

Господин адвокат

Фридрих Незнанский
Крайняя необходимость

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Крайняя необходимость / Ф. Е. Незнанский — «Автор»,
— (Господин адвокат)

Правосудие, как и медицина, иной раз ошибается в диагнозе. Адвокат Гордеев, возможно, единственный юрист, который в состоянии доказать несправедливость приговора, отправившего Сергея Великанова в колонию строгого режима, и, несмотря на драматические обстоятельства дела и показания свидетелей, вернуть ему свободу. Пусть талантливый врач делает то, что у него так замечательно получается, – лечит людей. Но не утратил ли он в самом деле это право, когда взял на себя функции суда и палача и убил двоих человек?

Содержание

Пролог	5
Часть первая	8
1	8
2	13
3	20
4	26
5	32
6	37
7	40
8	42
9	45
10	46
11	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Фридрих Незнанский

Крайняя необходимость

Пролог

Курение – привычка, от которой всем тяжело избавиться независимо от того, выкуриваете ли вы пять или сто сигарет в день. И скажите, пожалуйста, на какого курильщика действуют угрожающие надписи на одной и той же пачке сигарет вроде «Курение – причина раковых заболеваний», а с другой стороны – «Курение вредит вашему здоровью»?! Опытный курильщик давно пропускает мимо сознания эти слова, ну а если вдруг и вдумается, то конечно же только рассмеется от несуразности такого сопоставления: с одной стороны – смертельная, неизлечимая болезнь, с другой – некоторое предполагаемое неудобство для здоровья. От одних и тех же сигарет. И дети на такое не купятся.

Однако не совсем так обстояло дело с помощником генерального прокурора Александром Борисовичем Турецким. Его близкие взялись за его здоровье всерьез, и пока что Турецкий лучше себя от этого не чувствовал.

– Первый способ отличается молниеносностью и ошеломляющей эффективностью, – сообщила Ниночка Турецкая сведения, почерпнутые в Интернете. Ее мать благосклонно кивала головой, а отец уныло слушал. – Сторонники этого способа утверждают, что курить следует бросать мгновенно. Но самое главное не в этом, а в том, что, став некурящим, ты должен рассказать об этом всем, кого ты уважаешь, любишь, не уважаешь, не любишь, знаешь или вовсе не знаешь. Напиши им это в открытках, письмах, разошли по Интернету, оставив свой и-мейл. Пусть *все* узнают, что ты перестал курить. Никогда впредь не говори о том, что ты бросил. Только о том, что *стал некурящим* или *не куришь*! Принцип действия понятен: всякий раз, потянувшись за сигаретой, ты будешь представлять, как посмотрят на тебя твои друзья, а особенно враги... Ты же заявил об окончательности своего решения!.. Говорил о своей силе воли!..

– Чушь, – безапелляционно заявил Турецкий. – Мне это не подходит.

Александр Борисович мужественно пытался бросить курить. Последнее время жена и дочь попрекали его каждой сигаретой, и он наконец принял решение раз и навсегда отказаться от своего пагубного пристрастия. Тут, правда, уместно было бы упомянуть, что Ирина Генриховна сама некогда покуривала, а единственная наследница Ниночка не так давно была застигнута отцом с первой сигаретой. Первой, как было клятвенно заверено, и последней.

Эстафету от дочери приняла жена:

– Саша, мне рассказали про один способ, он постепенный. Этот способ подходит для тех, кто решил просто слегка уменьшить дозу принимаемого никотина. Может быть, как раз для тебя? Здесь нужно придерживаться пяти простых правил.

– Ну-ну, – пробормотал Турецкий с явным скепсисом.

– Первое правило гласит, что курить нужно сигареты только одного сорта и ни при каких обстоятельствах не курить другие. Чтобы выполнить правило номер один, нужно соблюдать правило номер два, а именно: курить только свои сигареты, то есть не стрелять.

– Кажется, в этом что-то есть, – пробормотал Турецкий.

– Вот видишь! – воодушевилась супруга. – А чтобы выполнить правило номер два, нужно соответственно соблюдать правило номер три: чтобы у тебя не было потребности стрелять, нужно самому никого не снабжать сигаретами.

– Совершенно невозможно, – вздохнул Турецкий.

– Не так уж трудно, как тебе кажется. Четвертое правило гласит, что курить нужно только тогда, когда ты в этом по-настоящему нуждаешься, а не автоматически, сигарету за сигаретой. Кстати, и удовольствия от сигареты будешь получать в этом случае куда больше.

– Верно, конечно, – уныло вздохнул Турецкий, и во вздохе этом опять-таки выразалось, насколько все это мало реалистично.

Ирина Генриховна между тем явно вошла во вкус.

– Ну и последнее правило: в процессе курения ни в коем случае не занимайся никакими делами параллельно. Не разговаривай, не ешь, не пей и вообще исключи любую деятельность. Посвяти пару минут сосредоточенному выкуриванию сигареты. Таким образом, сокращается привычный рацион сигарет в четыре и более раз. Что скажешь?

«Неглупо, – подумал Турецкий, – очень неглупо, да только едва ли подходит человеку, который работает в офисе, засиживается допоздна, общается с кучей людей... ну и так далее. Вот если бы я был каким-нибудь несуетным сочинителем детективных романов, работал бы на даче, то... курил бы трубку», – неожиданно закончил он свою мысль. И ухмыльнулся.

Раздался звонок домофона. Ирина Генриховна взяла трубку.

– Здравствуйте, – сказал приятный женский голос, – мне нужен Александр Борисович Турецкий. Он здесь живет?

– А что вы хотели? – спросила Ирина Генриховна, подозрительно глядя на мужа.

– Меня просили ему кое-что передать. Можно подняться?

– Ну попробуйте, – совсем как муж ответила Ирина Генриховна и нажатием кнопочки на телефонной трубке открыла дверь подъезда.

Через несколько минут на пороге квартиры возникла девушка лет двадцати. В одной руке у нее был мотоциклетный шлем, в другой – какой-то сверток. Его-то она и протянула Турецкому.

– От кого это? – спросил он.

– От Юрия Петровича. Я ехала в Москву, и он просил меня передать, я в соседнем офисе работаю, ну и...

– Не надо на меня так смотреть, – проскрипел Турецкий, когда мотоциклистка удалилась. – Я понятия не имею, что это за барышня! – К некоторому его сожалению, это была правда.

Девушка доставила посылку от его закадычного приятеля Юрки Гордеева. Прямо на ней Гордеев написал несколько слов: «Прости, что не появился на прошедших выходных, – было много работы». Они давно не виделись, и Гордеев, очевидно, таким образом решил продемонстрировать свое дружеское внимание и расположение.

– Из всех твоих приятелей-собутыльников Юра мне всегда нравился больше других, – сообщила Ирина Генриховна, наблюдая, как супруг распаковывает посылку. – Все-таки он самый интеллигентный, и манеры у него, по сравнению с тем же Славкой Грязновым, ну просто аристократические. Что он там прислал, как думаешь?

– Скальп уголовного авторитета, – вполне по-взрослому хохотнула Ниночка и удостоилась от матери осуждающего взгляда.

Турецкий наконец вскрыл трудно поддающуюся обертку, и вниманию семейства предстала деревянная коробочка.

– Какая прелесть! – одновременно восхитились жена и дочь.

Турецкий открыл ее. Коробочка была нашпигована толстыми длинными сигарами, там же лежала открытка, на которой гордеевским почерком было написано: «Никогда не откусывай кончик у сигары – это ковбойство считается дурным тоном. Лучше обзаведись специальным маленьким пробойником или гильотинкой и носи их с собой».

Турецкий не удержался, вытащил одну сигару и понюхал. Аромат был сногшибательный.

– Ну вот, – горестно сказал он, – совершенно же невыносимые условия.

Часть первая

1

– Юрий Петрович, а вы любите арбуз?

– Вообще-то я больше люблю дыню.

– Я тоже! – почему-то обрадовалась женщина по фамилии Феофанова.

У адвоката Гордеева в кабинете сидела странная клиентка. Собственно, Юрий Петрович клиенткой ее признавать отказывался, но она настаивала. Это была крупная женщина лет сорока с копной рыжих волос – крашенных или своих, Гордеев определить затруднился.

С недавних пор Гордеев работал в ближнем Подмоскowie, даже, как говорили его друзья, в ближайшем. И это накладывало определенный отпечаток на его взаимоотношения с клиентами. Если в Москве все было в значительной степени обезличенно, рационально и динамично, то в подмосковных Химках к нему шли люди с самыми невероятными юридическими проблемами или вообще с отсутствием таковых. Правда, сами они так не считали. Гордеев уже начал приходить к мысли, что провинциальный адвокат для них что-то вроде семейного доктора.

– Скажите, Юрий Петрович, а в какой московской тюрьме лучше сидеть?

Гордеев бросил на Феофанову быстрый взгляд.

– Странный какой-то вопрос.

– Ну почему же? – спокойно возразила женщина. – Вы ведь адвокат, вы наверняка все эти СИЗО хорошо знаете. И потом, это же ваша работа – давать советы своим клиентам.

Гордеев подумал, что не так уж она не права.

– Ну что же... Пожалуй, принципиальной разницы нет.

– Да быть такого не может!

– Уверю вас, это не слишком важно – на первом этапе, по крайней мере. Все зависит от человека, который туда попадает, – как он себя поставит, каков у него характер, ну и от тех, конечно, кто остался на воле и о нем заботится.

Действительно, кто-кто, а адвокат Гордеев хорошо знал, что в следственных изоляторах условия содержания и потребности арестантов в целом схожи. Наиболее терпимые условия содержания из всех московских СИЗО были в пятом и шестом. Матросская Тишина, он же изолятор номер один, конечно, был похуже. Гордеев так и сказал загадочной клиентке. Контингент, содержащийся в этом изоляторе, более неоднородный, чем в других СИЗО, больше бомжей, а сама тюрьма гораздо теснее – камеры обычно заполнены под завязку, вентиляция плохая. В общей камере временами содержится до ста заключенных при норме тридцать человек, так что отдыхают в две-три смены. Люди с большим тюремным опытом и стажем, естественно, живут получше, но и это необязательно. С другой стороны, отношение к заключенным со стороны администрации помягче, и условия неформальных отношений между заключенными и охранниками проще. Так что, в общем, одна тюрьма другой стоит.

– А в Бутырках? – спросила рыжая.

– В Бутырках тоже не сахар: в общей камере тридцать два – тридцать четыре спальных места, а содержится, как правило, от сорока до семидесяти человек. Но законы преступного мира соблюдаются там строго, а поэтому право на сон, пайку и гигиену всем гарантировано.

– То есть, если мой муж туда попадет, ничего страшного с ним не случится?

– Ваш муж?

– Ну да.

– А что с ним?

– Вы ответьте на вопрос, пожалуйста.

– Хорошо. Когда он попадет в камеру, его снабдят всем необходимым на первое время, успокоят, подскажут, как связаться с волей. Это соблюдается обязательно.

Между прочим, Гордеев всегда старался передать своему клиенту в СИЗО два-три килограмма чаю и побольше сигарет (двадцать – тридцать пачек сигарет с фильтром и пятьдесят – сто пачек «Примы»). Он хорошо знал, что это помогает чувствовать себя уверенно. В тюрьме это больше чем деньги. Конечно, имеет смысл передавать и деньги, немного: пятьсот – семьсот рублей. Имея деньги, в первые дни жить гораздо проще. Они требуются заключенному, чтобы уделить внимание элите воровского мира. Порядок этот общепринят для всех, его соблюдение – дань уважения, характеристика нового заключенного на первое время.

Юрий Петрович, зная, как бывают шокированы и растеряны поначалу родственники всем происходящим, стремился всегда сам предпринять первые шаги. Как правило, после получения первой дачки человек понимал, что о нем не забыли, и начинал строить свой тюремный быт самостоятельно.

Но в данном случае непонятно было, о чем, собственно, идет речь.

– Простите, – кашлянул Гордеев. – Разве у вас есть такая возможность – выбирать тюрьму? И может быть, наконец скажете, что у вас случилось?

Посетительница немного помялась, потом вздохнула тяжело.

– Ну «что случилось», «что случилось»... Просто я хочу его посадить.

Лицо опытного адвоката ни единым движением не выдало реакции. Слышать приходилось всякое, и в этом кабинете тоже. Так что Юрий Петрович зашел с другого бока – он видел, что женщина нуждается в диалоге.

– А почему вы думаете, что у вас все-таки будет такая возможность – выбирать?

– Ну как же, если я дам на него показания, приплету там чего-нибудь, что вы мне подскажите... что я его боюсь, что детям беспокойно, попрошу упрятать куда-нибудь подальше... или, наоборот, поближе... Мне же пойдут навстречу?

– Хм... А вы действительно его боитесь? И детям беспокойно?

– Да все в порядке с детьми, – с досадой отмахнулась она. – И не боюсь я его ни капельки, не в том же дело!

– Так расскажите в чем.

– Ну просто сил уже никаких моих нет, терпения не хватает! Юрий Петрович, миленький, давайте посадим его ненадолго, чтобы мозги гаду прочистить, а?!

Гордеев почувствовал, что его терпение тоже на исходе.

– На что у вас не хватает терпения? Почему вы думаете, что можете посадить мужа? И какую проблему это решит?

– Да хоть от телевизора отлипнет! Футбол свой проклятый не сможет смотреть! Ведь, с тех пор как мы «НТВ-плюс» поставили, просто никакой жизни не стало!

Итак, рыжая дама по фамилии Феофанова пришла жаловаться на своего мужа-болельщика, от которого ей совершенно нет жизни.

– И вы готовы его за это посадить?! – изумился Гордеев.

– Конечно, готова, – подтвердила Феофанова. – Ненадолго. На месяц. На два. – Она прислушалась к себе. – Ну, может, на три.

Гордееву стало по-настоящему интересно.

– А есть за что? – осторожно спросил он.

– Всегда найдется, – ни на секунду не задумываясь, ответила Феофанова.

Гордеев вспомнил одного прокурора, у которого эта фраза была любимой.

– Как-то вы немилосердны, – заметил Юрий Петрович.

Феофанова нахохлилась.

– А что же мне делать?! Прихожу с работы вообще никакая, а он у ящика развалился, я с ног валюсь, нет хотя бы сумки взять...

– А где вы работаете? – спросил Гордеев.

– Медсестра я, на станции «Скорой помощи». У нас там сейчас такой дурдом... А дома еще хуже!

– Что, муж – яростный болельщик? – поинтересовался Гордеев, как-то не веря еще в серьезность происходящего.

– Да я скоро телевизор разобью о его голову! Просто вот возьму и пожертвую имуществом и сериалами ради спокойствия семьи! Совсем мужик ошалел от своего футбола. И головы его мне совсем не жалко: он все равно ею только о турнирной таблице думает. Дело дошло до того, что эта игра для него, похоже, единственный свет в окошке! Если газета – то о футболе. Если новости смотрит – то только спортивный блок. В выходные опять же лучший отдых – на диване, с пивом и футболом. Причем у меня такое впечатление, что ему все равно, кто с кем играет: наши, не наши, главное – процесс!

– То есть?

– Когда муж у телевизора, он прямо-таки в астрал какой-то уходит: ни я, ни дети его не интересуют. Вопросов моих не слышит, ответа не дождешься, и не дай бог переспросить чего – раздраженно рывкает. Во время матча орет по поводу и без. Гол забили – крики, не забили – все равно крики. Хоть из дома уходи. А по окончании игры наша квартира превращается в революционный Смольный – долгое обсуждение с друзьями состоявшегося матча: «Такой пас пропустить!», «Мазила!», «Бегают по полю, как дохлые ежики!» А мне с подругой больше десяти минут по телефону говорить запрещает. Я вообще не понимаю, что он в этом футболе находит! Смотреть же противно, эстетики никакой: потные мужики носятся по полю, сшибают друг друга и постоянно плюются. А муж этим наслаждается!

– А он, кстати, где работает?

– Он егерь.

– Так вы что же, в лесу живете?

– Да нет, конечно! Это он там живет – иногда. Периодами.

– И чем он занимается в своем лесу?

– Как положено: организует охоту и присматривает за охотничьим хозяйством – тут недалеко, за городом. К нему всякие важные шишки на охоту ездят.

– Наверно, здорово так жить, – предположил городской человек Гордеев.

– Не знаю, – отрезала медсестра Феофанова. – Ему, может, и здорово, а мне уже край! То его нет неделями, то воткнется в телевизор – и все равно словно нет. Ну что же мне, разводиться с ним, что ли, теперь?! Четырнадцать лет вместе прожили... Может, все-таки в тюрьму? Ненадолго.

– Разводиться, конечно, не надо. И в тюрьму тоже не надо. К чему такие крайние меры? Вы же медик, вы должны понимать, что...

– Иногда хирургия единственный способ, – отрезала Феофанова. Но как-то уже не слишком убежденно.

– Так вы же ему шоковую терапию предлагаете, – возразил Гордеев. – А детям каково без отца будет?

– Они привыкли. Когда он в лесу...

– Подождите. А почему вы вообще считаете, что вашего мужа можно посадить только на несколько месяцев? А если его там дольше продержат? А если большой срок дадут?

– А за что?

– Вот именно – за что? – ухватился Гордеев. «Какой-то театр абсурда, – подумалось ему. – Турецкому рассказать – не поверит, засмеет. Эх, почему я не писатель?... Сидел бы сейчас на даче с трубкой в зубах...»

Феофанова нахохлилась и отвечать, кажется, не собиралась.

– Ну так как же? – настаивал Гордеев.

– Вы же адвокат, – сказала наконец Феофанова. – Вы мне и подскажите – какое-нибудь там мелкое хулиганство, чтобы на много не потянуло. Ну драка там, допустим, да?

Гордеев отрицательно покачал головой:

– Нет, мы с вами не будем его сажать.

– Не будем?

– Нет.

– А что будем делать?

– Да уж придумаем что-нибудь.

– Считаете, обойдется? – с надеждой спросила Феофанова.

– Обязательно. – Адвокат встал и немного походил по кабинету, он знал, что в определенный момент на клиентов это действует успокаивающе. – Значит, так, – распорядился Гордеев, – говорите, футбол смотрит? Говорите, оторваться не может? Тогда вот что: пусть за каждый выигранный матч он платит вам двадцатку.

– Как это? – опешила рыжая. – Он – мне? Платит? Но при чем тут деньги?

– Очень просто. Вы берете за свое неудобство денежную компенсацию. Вы же к адвокату пришли, правильно? Это нормальная юридическая практика.

– О, – сказала посетительница после некоторой паузы, когда Гордеев уже почти решил, что совет неудачен. – О! Это мне нравится. Это вы здорово придумали! Но ведь... наши, кажется, нечасто выигрывают, а?

– Это точно, – подтвердил адвокат. – Поэтому за каждый проигранный матч пусть платит червонец. За ничью – тоже. Надо сделать так, чтобы вы не остались внакладе в любом варианте.

– А может, лучше наоборот? – засомневалась посетительница. – За этот двадцать, а за тот – десять?

– Надо же пощадить его чувства, – объяснил Гордеев. – Войдите в положение болельщика. Не жадничайте.

– Я пытаюсь войти, – вздохнула женщина.

«Как бы от нее наконец отделаться», – подумал Гордеев.

– А другие виды спорта муж уважает? – спросил он.

– Нет, – снова вздохнула она. – Только футбол.

– Вот вам еще один выход. Сейчас Олимпиада идет, едва ли не круглосуточно показывают по разным телеканалам. Выберите себе тоже что-нибудь и смотрите в свое удовольствие, хотя бы четверть часа в день – демонстративно. Гимнастику там, плавание. Что-нибудь для души. А то наши все проигрывают и проигрывают. Может, им как раз вашей поддержки не хватает.

– Вы думаете? – оживилась рыжая. – Я попробую. Не зря я к вам пришла! Надо же, какие замечательные советы! Мне никто ничего подобного еще не предлагал! Сколько я вам должна, Юрий Петрович?

– Нисколько, – мрачно сказал Гордеев. – Только окажите мне услугу.

– С радостью! Какую?

– Не говорите никому, что сюда приходили и тем более что получили консультацию адвоката по такому поводу.

– Но почему?! Вы же мне так помогли!

– Просто обещайте.

– Ну... конечно, как скажете. Даю вам слово!

– Вот и славно. Рад был помочь.

Впрочем, по ее оживившемуся лицу Гордеев видел, что шансы его ничтожно малы: скорее всего, к вечеру об адвокате, дающем «такие замечательные советы», будут знать все ее подруги, родственницы, соседки и еще бог знает кто. А Химки не такой уж большой город.

Спустя несколько минут в дверь робко постучали.

– Да, – обреченно сказал Гордеев.

Снова вошла Феофанова. Вид у нее был смущенный.

– Я забыла, Юрий Петрович, это же вам, – сказала она, протягивая пакет.

– Это что? – строго спросил Гордеев.

– Это просто дыня, – застенчиво сказала Феофанова, – маринованная лисичками. Наверняка вы такого никогда не ели...

– Это правда, – сознался Гордеев. – Даже звучит интригующе.

2

Москвичи – народ привередливый, несмотря на то что стремительный. У них всегда есть время обсуждать погоду. И как правило, она никогда их не устраивает. Два старинных приятеля обсуждали именно эту проблему – метеозависимость. Было половина восьмого вечера.

– Жарко – плохо, холодно – тоже плохо, – говорил один. – Засуха никуда не годится, дождь – отвратительно. – А когда же тогда хорошо?

– Такая страна, – меланхолично подтверждал другой. – Такой город.

– Взять, например, хоть это лето, – продолжал первый. – Ведь грех же жаловаться! Или я не прав?

– Если кому-то кажется, что ты не прав, – говорил второй, – пусть обращаются ко мне.

Август в этом году оказался дождливым, прохладным – словом, для тех, кто был вынужден проводить все свое время в асфальтовых джунглях мегаполиса, в самый раз. Правда, как раз сегодня день был жаркий и для пива вполне подходящий.

– Мир спасет красота, – сказал Александр Борисович Турецкий, провожая глазами проезжающую в «мерседесе-кабриолете» красотку.

Кого (или что) именно он имел в виду, осталось неизвестным, поскольку его друг и соратник Вячеслав Иванович Грязнов немедленно возразил:

– Мир спасут стукачи!

Турецкий с удивлением посмотрел на приятеля. Для столь резкой сентенции как будто не было оснований. Начальник Управления по раскрытию особо опасных преступлений МВД и помощник генерального прокурора мирно пили пиво на открытой веранде ресторана «У Швейка». Рабочий день закончился, он не принес особых радостей и особых разочарований, и это уже было неплохо. А главное – не было никаких (к сожалению, привычных для них обоих) форсмажорных обстоятельств, которые с легкостью превращали рабочий день в рабочую ночь – и далее по необходимости.

Поскольку больше Грязнов ничего не сказал, Александр Борисович счел нужным бросить ответную реплику.

– Что это еще за фигня? – поинтересовался Турецкий, благосклонно принимая у официантки очередной бокал янтарного напитка и блюдец с солеными орешками.

– Как бы мы презрительно ни относились к стукачам, осведомители выполняют грандиозную работу, потому что серьезные преступления без получения низовой информации раскрыть фактически невозможно. Это я тебе как бывший оперативник говорю! В отношении людей, которые дают сведения о преступниках, просто нужно принимать соответствующий закон. Их нужно защитить. Общество должно выработать к ним иное отношение.

– Ну и ладно, – защищался Турецкий, – ну и замечательно, но мне ты это зачем говоришь? Я что, депутат? Да и вообще, чего это ты так завелся?

– Ты не депутат, хотя... знаешь, это мысль! – засмеялся Грязнов. – Саня, в самом деле, где наша не пропадала, давай сделаем из тебя крупного политического деятеля? Только боюсь, во время предвыборной кампании столько баб с компроматом появится... А ты о них, наверно, уже и думать забыл. Нет, не бывать тебе политиком.

– Точно, не бывать. И вообще, мне домой пора, – сказал Турецкий, не двигаясь, впрочем, с места.

– Оно и видно. Вот лучше полюбуйся. – Грязнов достал из портфеля книжку и протянул Турецкому. Это была самиздатовская книжка, переплетенная кустарным способом и, возможно, существующая только в этом единственном экземпляре. На обложке стояли имя и фамилия, больше ничего.

Помощник генерального взял увесистый фолиант и прочитал вслух:

- Луиджи Зингалес... Это еще кто?
- Автор теории, которую я тебе сейчас изложил.
- А, – равнодушно сказал Турецкий и положил книгу на стол, – тогда ладно.
- Ты что же, даже не заглянешь в нее? – удивился Грязнов.
- А на кой черт?
- Ну как знаешь.

Следующий бокал пива тянули в полном молчании. Жара спадала. Турецкий думал о том, как хорошо было бы, если бы дома его ждала роскошная окрошка, приготовленная на кефире, и еще жена – в хорошем расположении духа, а Грязнов думал о том, как бы поделикатней подобраться к главной теме дня и не испортить Турецкому настроение, ну и самое главное – добиться желаемого результата.

Наконец он кашлянул. Турецкий машинально посмотрел на него.

– Один американец... – начал было Вячеслав Иванович. А Турецкий с удовольствием подхватил:

– Один американец засунул в жопу палец! Помнишь, в детстве?

– Саня, перестань. Один американец, он же преподаватель высшей школы бизнеса Чикагского университета, сочинил необычную теорию.

– Славка, – тут же поскущел Турецкий, – ты опять? Я тебя насквозь вижу. Не хочу даже заглядывать в эту книжку. У меня отпуск на носу. Ты хочешь меня втравить в очередную авантюру? Он сочинил теорию, у него ее украли, потом вор получил Нобелевскую премию, и этот американец готов все отдать, чтобы мы с тобой вывели его обидчика на чистую воду. Что-нибудь в таком духе, да? Не пойдет.

– Ну как знаешь, только американец тут ни при чем. Эта книженция, – Грязнов кивнул на фолиант, – для внутреннего пользования, мне ее сегодня замминистра вручил, а ему – лично автор на каком-то банкете. Мне она до одного места, как и тебе, если только не учитывать, что она наглядно демонстрирует один свежий пример явной социальной несправедливости...

Турецкий фыркнул.

– Что? – не понял Грязнов.

– Ничего. Ты говоришь так, будто все еще на приеме у своего замминистра. Проще надо быть, Славка, и тогда не исключено, что люди к тебе...

– Брось, – неожиданно жестко оборвал Грязнов. – Уже никто ни к кому не потянется. Все команды давно сыграны, и не важно, кто в какое ведомство переходит. Саня, кроме шуток, мне сейчас не до изящного стиля. Мне надо хорошего человека из беды выручать. А изящные формулировки, знаешь...

– Тем более говори нормальным языком, что случилось? Какая помощь нужна?

– Адвокатская, – вздохнул Грязнов. – Конкретно – Юрка Гордеев нужен. Тут только такой юридический волк, как он, и справится.

– Ну так позвони ему, – пожал плечами Турецкий. – Всего-то делов. Он сейчас где? В Химках, в Москве?

– Не знаю, наверно, в Москве. Но звонить я не буду, потому что он меня пошлет прямым текстом.

– С какой стати? – удивился Турецкий.

– С такой. Так уж как-то получилось, что последнее время все дела, которые я ему подсовывал, оказывались жутким геморроем...

Турецкий засмеялся, расплескивая пиво.

– Ты что? – не понял Грязнов.

– Ровно то же самое могу сказать и про себя, – объяснил помощник генерального прокурора. – Слава, ну ты даешь. Когда такое было, чтобы мы друг другу коробки шоколадных конфет с бантиками подсовывали?

Грязнов напрягся и сказал:

– Я помню, как помогал тебе вещи перевозить.

– Я тоже помню – это лет пятнадцать назад было, еще до Генпрокуратуры. Так что у тебя с Гордеевым не так?

– Как раз когда он в Химки переезжал, в новый офис, я ему сосватал одно дельце в Зеленогорске¹. Надо было одного опера тамошнего отмазать.

– Ну помню, кажется, – отозвался Турецкий. – Какая-то афера с порнофильмами, да?

– Примерно. Так вот, с тех пор Юрка вообще зарекся со мной дело иметь.

– Да не может быть, – удивился Турецкий.

– Так и есть. Сказал, что оказывать услуги друзьям – это одно дело, а друзьям друзей – совсем другое и даже третье. И ему оно себе дороже. И вообще, он теперь занят, он занимается сугубо адвокатской практикой и в нашу ментовскую грязь больше соваться не намерен.

– Ну... может, устал человек, – предположил Турецкий. – В провинции работа не сахар. А уж ментовская грязь там сам знаешь...

– Химки не провинция, – возразил Грязнов.

– Территориально – да, а фактически... Ты там вообще был когда-нибудь?

– Обижаешь, начальник! Сколько раз мы еще в восьмидесятые с тобой вместе туда на матчи с ЦСКА ездили?!

– Я не про то, – пояснил Турецкий. – Я говорю, тебе в таком месте приходилось работать? Чтобы, с одной стороны, в двух шагах от Москвы, с другой...

– А как же, была пара дел, – подтвердил многоопытный Грязнов. – Рутинка. Маньяки. Серийные убийцы.

– Вот, – удовлетворенно кивнул Турецкий. – Тогда ты его должен понять. У мужика сложный период, называется – акклиматизация. Ему надо форму набрать, авторитет нарабатывать, соответствующий настрой в себе удерживать, не говоря уже о зарплате. И вообще, о чем мы говорим, я не совсем понимаю?! Ты считаешь, что мне удастся его уговорить тебе помочь?

– Обо мне вообще речь не идет, – возразил Грязнов. – Я в этом деле никак не фигурирую. Засудили одного парня, который явно достоин лучшей участи. Его адвокат на процессе лоханулся. Без подставы, думаю, не обошлось. Ну и посадили его, конечно. Сейчас он черт знает где и черт знает с кем. А я его знал, кстати. Хороший человек. Доктор. Кое в чем мне помог, между прочим... Что это за дрянь ты куришь? – спросил вдруг Грязнов.

Это было вполне в его духе – перемежать деловой разговор неожиданными вопросами и поворотами. В сущности, на этой своей особенности Вячеслав Иванович первоначально и сделал карьеру – в бытность муровским опером он так виртуозно допрашивал задержанных, что об этом еще лет двадцать назад ходили легенды.

– То же, что и всегда, – пожал плечами Турецкий. – «Мальборо».

– Вижу, ковбой. То же, да не совсем. «Мальборо лайт»?

– Ну.

– И на кой черт?

– Облегченные. Меньше никотина, меньше смолы. Больше здоровья.

– Я знаю, что такое «лайт»! Я спрашиваю, почему ты отказался от привычных?

– Пытаюсь бросить курить.

– Саня! – Грязнов посмотрел на приятеля с сожалением. – Так не бросают.

– А ты, конечно, знаешь, как бросают. – Турецкий кивнул на заполненную пепельницу со стороны Грязнова.

– Бросают – резко, – со значением сказал Грязнов, не реагируя на шпильку. – Я знаю немногих людей, у которых это получилось, и у всех – только так. Бац – и все!

¹ См. роман Ф. Незнанского «Последняя роль неудачника» (М., 2004).

– Понятно, – примирительно согласился Турецкий. – Ты зачем увел меня от темы, которую сам поднял? Я же тебя знаю. Что не так? Что он натворил, твой доктор? Зачем ты мне мозги пудришь?

Грязнов немного помолчал.

– Итак? – подмигнул Турецкий.

– Честно говоря, – вздохнул Грязнов, – ничего особенного он не натворил.

– Точно?

– Конечно.

– А конкретней можно?

– Конечно, можно! Тебе все можно. Он застрелил двоих человек. Один из них – сын главы городской администрации.

– Ты серьезно?!

– Да.

– Ничего себе!

– Все было в пределах допустимой самообороны, – заверил Грязнов.

– Конечно, – ухмыльнулся Турецкий. – Наши люди по-другому не действуют.

– Саня, не надо ерничать. Это очень серьезно. Тебя Гордеев послушает. Ты для него непререкаемый авторитет. Придумай что-нибудь.

– А что я смогу придумать?

– Самый главный аргумент такой: этот доктор – он как раз из Химок, понимаешь? Из этих самых Химок, будь они трижды неладны! Он там жил, он там работал, он там был уважаемым человеком. А Юрий Петрович у нас, ты сам говоришь, как раз провинциальный авторитет наработывает. В Химках. Так и дави на эту точку.

Турецкий почесал затылок. Так уж повелось, что проблемы друг друга они воспринимали как свои собственные, и за этой дежурной пикировкой ничего не стояло, кроме рефлекторного желания поддержать форму. Они были друзьями, и добавить к этому было нечего.

– Ну ладно, допустим, с Юркой я поговорю. Допустим, он даже согласится. Но при чем тут эта макулатура? – Турецкий кивнул на том, по-прежнему лежавший на столе.

– При том, что страна должна знать своих героев. И не должна знать своих стукачей.

– Ты что несешь?

– Стукач стукачу рознь, – по-прежнему настаивал Грязнов. – Саня, я сейчас выдам тебе конфиденциальную информацию, имей в виду.

– Уже, – улыбнулся Турецкий. В сущности, они всю жизнь тем и занимались, что обменивались конфиденциальной информацией. Ведомствам, в которых они служили, это шло только на пользу.

– Ладно. Так вот. Упомянутый доктор, в судьбе которого я принимаю участие, был...

– Подожди... – Турецкий поднял брови. – Твоим осведомителем?! Этот доктор был стукачом?!

– Ну да. В некотором смысле.

– Ты рехнулся, Слава? Ты меня за стукача просишь заступиться? Я вообще с тобой сейчас разговариваю или у меня натурально глюки, как говорит моя дочь?

– Так. Девушка! – Грязнов подозвал официантку. – Принесите нам еще пивка, и вот этому господину, – он кивнул на Турецкого, – попрохладней, пожалуйста.

С минуту оба молчали. Потом им принесли пиво, и каждый занялся делом.

– Саня, – сказал наконец Грязнов, – Великанов был не просто стукач. Во-первых, он был стукач добровольный, то есть идейный...

– Еще лучше, – буркнул Турецкий.

– А во-вторых, он мне жизнь спас.

– Не понял?

– Все ты понял.

– Как он мог тебе жизнь спасти? Помню, я однажды твою задницу спас...

– Задница и жизнь – не одно и то же. Великанов сообщил о том, что меня собираются грохнуть.

– Когда это было?! – округлил глаза Турецкий.

– Примерно полгода назад.

– И ты мне ничего, ни полслова?

– Не было нужды.

– Как это – не было?! Славка, ты в своем уме? Кому же тебе еще доверять, если не мне?

Племяннику тоже ничего не говорил?

Грязнов отрицательно покачал головой.

Изумление Турецкого было вполне обоснованным: допустим, ему Грязнов мог и не рассказывать каких-то нюансов – все же специфика работы у каждого своя: Грязнов был сыщиком, а Турецкий – следователем, то есть формально кабинетным работником. Но вот Денис Грязнов – племянник Вячеслава Ивановича – он-то тоже был сыщиком, хоть и частным, и, более того, он был сыщиком от Бога. Денис возглавлял охранное предприятие «Глория», ему было тридцать пять лет, и он побывал в таких заковыристых переделках, которых простые смертные не видели и в кино. Неоднократно и Грязнов-старший, и Турецкий прибегали к его услугам в нестандартных ситуациях, когда не могли сами действовать официально в силу своего статуса.

Но если даже Денис ничего не знал о личных неприятностях Грязнова-старшего и к его услугам Вячеслав Иванович не обращался, значит, ситуация была просто экстраординарной.

– Своими силами перестраховался, – между тем сказал Грязнов-старший, – и, слава богу, обошлось. Просто не хотелось никого зазря дергать. Не такой уж я знатный перец, чтоб во все колокола бить, верно?

Турецкий же на лице у него читал совсем другое, непроизносимое вслух.

– И кто же это был? – спросил Александр Борисович. – Кто к тебе примерялся?

– Саня, если ты настаиваешь, я позже все расскажу, но сейчас давай вернемся к разговору о Великанове. Идет?

Турецкий кивнул.

– Хорошо. Несколько раз он информировал меня кое о каких вещах, и каждый раз это было весьма бесполезно.

– Я не понимаю, откуда доктор мог обладать такой информацией?

– Он весьма своеобразный человек. Если бы ты с ним познакомился, ты бы это оценил в полной мере. У него знакомства были в разных кругах.

– Что-то не очень они ему помогли, раз он сел, – заметил Турецкий.

– И то верно, – согласился Грязнов, улыбнувшись краешком рта так, что незнакомый с ним человек мог бы этого и не заметить, но не Турецкий. – Но ведь в нашем отечестве... От тюрьмы и от сумы – сам знаешь...

Турецкий ухмыльнулся. Пару лет назад с ним случилась большая неприятность – он попал в следственный изолятор Лефортово, провел там некоторое время, и, кстати, ведь не кто иной, как Юрий Петрович Гордеев, его тогда с успехом защищал². Это была та еще история. Александр Борисович, ко всеобщему изумлению, был найден в бессознательном состоянии в собственном автомобиле в «компании» с мертвой стриптизершей, застреленной из его же пистолета. Громкий скандал привлек внимание даже президента. Турецкий не был виноват в том, что случилось, – напротив, слишком много людей было заинтересовано в том, чтобы его скомпрометировать. И Гордееву тогда удалось во всем разобраться...

– Давай наконец закроем тему стукачей, – предложил Турецкий.

² См. роман Ф. Незнанского «Клуб смертельных развлечений» (М., 2003).

– Не получится.

– Не получится?!

– Не-а.

– Почему это?

– Ты, Санечка, может быть, этого не знаешь, но зимой Мосгордума приняла законопроект «Об общественных пунктах правопорядка», сразу получивший неофициальное название «закон о стукачах». Когда мэр этот документ одобрит (а он одобрит, помани мое слово!), тогда общественные советы появятся в каждом районе города, а гости столицы и просто «подозрительные элементы» окажутся под колпаком общественности.

– Я слышал об этом, – сказал Турецкий. – Только я не могу взять в толк – ты все это одобряешь, что ли? Это же полицейское государство получается. Или, по крайней мере, город! Хотя Москва и так отдельное государство.

– Я это не одобряю, – веско сказал Грязнов. – Я как раз тебе и говорю, что со стукачами должны работать компетентные люди, и стукачей, кроме них, никто не должен знать. Причем неразглашение их имен не должно иметь срока давности. А у нас, конечно, все будет не так. У нас сознательным общественникам предложат внимательно следить за тем, кто снимает квартиры в домах района, выяснять, есть ли у этих людей регистрация в столице и кто из «чужих» к ним ходит. А в случае выявления оперативно докладывать об этом участковым. Все это смехотворно и непродуктивно. Ну застукают они пару незарегистрированных молдаван, которые на ремонтах зарабатывают, и что? Улучшат статистику местным РОВД. Реальной выгоды от этого нет. Так только обывателя развращать. Нет, хорошего стукача надо готовить, холить и лелеять. И вознаграждать.

– Ты серьезно?

– Еще как. Я убежден, что с помощью крупного вознаграждения можно предотвращать не только экономические преступления, но и теракты. Это работа серьезная, поскольку люди эти, как агенты, работающие под прикрытием, ходят по лезвию бритвы. Информатор должен быть уверен, что в случае смерти его семья не будет голодать, и вообще, что с ней ничего не случится. Если же этим делом будут заниматься все подряд, как хочет Мосгордума, могут быть серьезные последствия.

Турецкий понял, что его приятелю есть что сказать по существу вопроса и лучше его остановить, пока не поздно.

– Ладно, Слава, оставим государственные проблемы. Если ты такой мудрый, дальновидный, щедрый и гуманный, тогда расскажи мне, как ты вознаграждал своего доктора?

– Да никак, – с досадой сказал Грязнов. – У него по этому поводу имелось отдельное мнение. Он считал, что в этой деликатной сфере не должно быть материальной заинтересованности. Мы, дескать, должны ловить преступников не ради денег.

– Каких преступников, Славка?! – не выдержал Турецкий. – Он же доктор, он людей должен лечить!

– В том-то и дело. Он лечил, только... Да ладно, что теперь говорить, – Грязнов огорченно махнул рукой. – В чем-то он прав, конечно. В США, например, люди часто информируют власти о правонарушителях не ради получения вознаграждения, а из чувства долга. Потому что это создает угрозу их обществу. А значит, и им лично. Когда россияне будут такими же сознательными гражданами, как американцы, преступности станет меньше.

– Я тебя прошу, не надо! – возмутился Турецкий. – Я про Штаты в этом отношении побольше твоего знаю. Там вообще уже психология у обывателя такая – стукаческая. Там едешь на машине – окурок выкинул из окна в неподобающем месте, а тот, кто позади тебя едет, это видит и тут же в полицию звонит. И уже через сто метров тебя полицейский останавливает и штрафует!

– Ну и что? Это, между прочим, мою правоту подтверждает, – возразил Грязнов. – То самое, что городские власти такими штучками народ в быдло превратят.

– Поживем – увидим.

– Если доживем. Ты Гордееву позвонишь или нет?

– Позвоню.

– Слава богу. А книжку ты все-таки возьми, полистай, может, картинки интересные найдешь, – посоветовал Грязнов. – И кстати, я смотрю, пачку своего облегченного никотина ты тоже приговорил, а? У тебя, Саня, серьезная медицинская проблема. У тебя, Саня, наркозависимость! Так что давай помоги мне спасти медика, а он, глядишь, научит тебя курить без вреда для здоровья.

Турецкий книжку взял. Никаких картинок в ней, конечно, не было, а были графики и диаграммы.

Дома Александр Борисович насладился окрошкой, обществом относительно миролюбиво настроенной супруги (которая, правда, периодически пыталась что-то рассказать про очередную склоку в ее музыкальной школе) и полистал книжку на сон грядущий.

Этот Зингалес оказался дотошным малым. Он в деталях изучил крупнейшие случаи мошенничества в компаниях США и Западной Европы. Отработал колоссальную статистику – от скандала вокруг энергетического гиганта Америки «Экрон» до разоблачения махинаций руководства итальянской компании «Пармалат». И пришел к выводу: даже совместными усилиями трех ветвей власти – исполнительной, законодательной и судебной – «эпидемию жульничества» не одолеть. По его мнению, спасти род человеческий от жуликов могут лишь доносители, работающие в этих компаниях. Это, собственно говоря, Турецкий прочитал еще в аннотации. Ну и вся книга была фактически посвящена этой проблеме.

Теперь Турецкому стало ясно, почему Грязнов подsunул ему это чтиво. Доктор, за которого заступался Вячеслав Иванович, видимо, с его точки зрения, и был таким вот кристально честным стукачом. «Честный стукач» звучало, конечно, как-то по-идиотски, но не верить Грязнову оснований не было. Грязнов мог разыграть друга, но обмануть – никогда. Кроме того, собственно компетентность Грязнова Турецким ни на йоту не подвергалась сомнениям.

– Саша! Ну сколько можно?

– А? – Турецкий поднял взгляд и понял, что супруга не спит и, очевидно, уже какое-то время с ним разговаривает.

– Я так понимаю, что все, что я тебе сейчас рассказывала про свою работу, ты не слышал, – возмутилась она.

– Извини, родная. Но я готов все выслушать повторно.

– Черта с два!

– Что ж, значит, не суждено мне узнать ваши тайны мадридского двора.

– Женщина выходит замуж, надеясь, что супруг со временем изменится, – улыбнулась Ирина Генриховна. – И она ошибается.

Турецкий улыбнулся в ответ:

– Мужчина женится, надеясь, что супруга никогда не изменится. И он тоже ошибается. – Он почти наверняка знал, чем будет парирована эта фраза. И не ошибся.

– Чтобы быть счастливым в браке с женщиной, его надо много понимать и немного, – жена показала сколько именно двумя пальцами, – любить.

– Чтобы быть счастливым в браке с женщиной, надо ее много любить и даже не пытаться ее понимать, – парировал Александр Борисович.

3

Ночью Турецкому приснилось, что он стал президентом, поменял местами всех силовых министров, и они принялись изошренно стучать друг на друга. Проснулся он за несколько минут до звонка будильника и сильно отдохнувшим себя не ощутил. Вроде бы присутствовало какое-то дурное предчувствие. Но по поводу чего, Турецкий, сколько ни силился, уловить не смог.

Он полез под душ, выпил две чашки кофе и в ожидании омлета с ветчиной просмотрел электронную почту: письмо было только одно – от Грязнова. Турецкий приготовился обреченно встретить поток дополнительной информации по поводу вчерашнего разговора, но, на удивление, прочитал всего только один короткий абзац:

«Курильщики, которые, заботясь о своем здоровье, начинают отдавать предпочтение так называемым легким сигаретам, ошибаются в своих ожиданиях.

Любители «курнуть», которые переходят на марки табака, содержащие меньшее количество никотина, ожидают, что они сильно сократят потребление этого ядовитого вещества, но на самом деле не уменьшают поступление никотина вовсе. Недостаток никотина компенсируется более глубокими затяжками и повышением частоты курения. Завзятые курильщики не получают никакой пользы от перехода на другой, облегченный сорт сигарет. Они даже могут увеличить вред для здоровья, так как вдыхают больше окиси углерода и вредных смол при глубоких затяжках».

Это было бесплатное грязновское дополнение ко вчерашнему разговору о легких сигаретах.

– Вот мерзавец, – беззлобно сказал Турецкий и принялся звонить Гордееву.

Дома того не оказалось, мобильный телефон не отвечал, а секретарша его офиса в Химках сказала, что Юрий Петрович еще не приехал, но до обеда обязательно будет.

– А во сколько у вас обед? – поинтересовался Турецкий.

– В промежутке от двенадцати до пяти вечера, – последовал исчерпывающий ответ.

Турецкий решил, что сделал все что мог, и поехал на работу.

Подъезжая к служебной стоянке, он в потоке прочих машин, двигавшихся на полсотни метров позади, приметил знакомый «опель корса», но ни водителя, ни номеров, разумеется, разглядеть не сумел. Похожий «опель» недавно купил Гордеев, а впрочем, мало ли таких машин в Москве?

Турецкий припарковался, вышел из машины и пошел в Генпрокуратуру. На втором этаже он встретил разговаривающего по мобильному телефону Меркулова. Заместитель Генерального прокурора России по следствию отвечал односложно, из чего Турецкий сделал вывод, что тот говорит либо с высоким начальством, либо с тем, с кем хочет поскорее закончить разговор, то есть опять же с высоким начальством. Меркулов сделал жест, означавший «зайди ко мне», и Турецкий кивнул.

После этого Александр Борисович заглянул в приемную генерального.

– Я нужен?

– Сам еще не приехал, – лаконично объяснила секретарша, дама в лучших советских традициях – без возраста и готовая на все в интересах шефа.

Турецкий с облегчением отправился в свой кабинет, где в течение четверти часа с удовольствием предавался безделью – пил третью за утро чашку кофе и просматривал свежий номер «Спорт-экспресс». По истечении пятнадцати минут он вытащил из портфеля большое зеленое яблоко, надкусил его и зашел к Меркулову:

– Привет, Костя.

– Садись. Кофе будешь?

– Хватит уже с меня. Вот яблочком лучше похрущу...

– Ладно. Ты, я помню, в отпуск собираешься, – прищурился Меркулов.

У Турецкого внутри все похолодело. Слишком хорошо он знал этот прищур. Слишком много он видел таких прищуров. Числа им не было, этим прищурам. А уж вступительная фраза была хуже не придумаешь. Она уже таила в себе скрытую угрозу этому самому отпуску, если не сказать даже – смертельную опасность. Впрочем, тон у Меркулова пока что был вполне невинный.

– Собираюсь...

– Это хорошо. – Кажется, Меркулов в самом деле был настроен позитивно. – И куда, если не секрет?

– Да какой там секрет, – осторожно сказал Турецкий. – Как обычно, на пляже порелаксировать. В Турции или в Крыму.

– А Сочи?

– Не, не люблю, ты же знаешь... Впрочем, выбирать все равно Ирка будет.

– Понятно, – многозначительно протянул Меркулов и скривился.

– Что?

– Живот с утра потягивает, – объяснил Меркулов, – не обращай внимания...

Турецкий машинально вытащил пачку своего облегченного «Мальборо» (черт бы побрал Славку с его карканьем!), но вовремя вспомнил, что при Меркулове курить не стоит. Да он сегодня и выглядел действительно как-то бледновато. И Турецкий снова взялся за яблоко и съел его целиком – без отходов производства – с косточками.

– Значит, все как обычно, – продолжать нудить Меркулов, внимательно наблюдая за этой процедурой.

– Все как обычно, – так же занудно подтвердил Турецкий.

– Олимпиаду смотришь?

– Урывками. Ночные повторы. Когда наши что-то выигрывают.

– Наши что-то редко, – вздохнул Меркулов.

– То-то и оно.

– То-то и оно...

Турецкий все-таки ждал продолжения. Почему-то ему казалось, что оно последует.

– Может, все-таки кофе? – сказал Меркулов. – Меня тут по-польски научили. Я, правда, сам его почти не пью, ты-то знаешь...

– Костя, – не выдержал Турецкий, – зачем звал?!

Зазвонил телефон. Меркулов снял трубку и механически сказал:

– Я занят... Что? А, понятно. Это тебя, Саша. – Но трубку при этом положил.

– Как это – меня? – не понял Турецкий.

– Передали, что к тебе посетитель пришел, наверно, важный, не может ждать, – объяснил Меркулов, – так что поторопись.

– Странно, я вроде никого сегодня не ждал... Так, а ты что хотел?

– Ты иди, разберись со своими делами, а ко мне после обеда загляни.

– Ну как знаешь, – пожал плечами Турецкий и вышел из кабинета Меркулова.

Важным посетителем оказался не кто иной, как Гордеев. Он скромно сидел в общей приемной, словно сам тут никогда не работал, а ведь был не так уж давно следователем Генпрокуратуры.

– Ну слава богу, – вставая, сказал адвокат. – А я боялся, что не застаю тебя.

– Пошли, – коротко сказал помощник генерального. У них было неписаное правило: при посторонних ни полслова деловых разговоров. – А телефон на что существует? – наконец дал себе волю и проворчал Турецкий, отпирая свой кабинет. – Ты-то, кстати, со своими что сделал? Почему тебя нигде нельзя застать?

– Сейчас расскажу. Дай отдышаться, не нападай. Может, кофе выпьем?

– Да вы что, сговорились сегодня? – рассердился Турецкий. – Говори с чем пришел и не зли меня. У меня дел выше крыши. И тут тебе не кофейня!

– Как знаешь.

Гордеев в кабинете старого приятеля был, разумеется, как у себя дома. Он включил кофеварку.

– Ну? – сказал Турецкий, наблюдая за его манипуляциями.

– Сейчас... – Когда кофе был готов, Гордеев с маленькой чашечкой уселся напротив хозяина кабинета. – Вообще-то я просто так заскочил. Давно не виделись – соскучился, понимаешь.

– Врешь, – уже безо всякой интонации сказал Турецкий. – Я вот по тебе совершенно не соскучился, но ты мне нужен.

– Видишь, Саня, как мы по-разному друг к другу относимся, – улыбнулся Гордеев. – Я тебя искренне люблю, а ты меня используешь. В сущности, это классическая ситуация отношений двух близких людей. В мировой литературе описана не однажды. Например...

– Иди ты со своей литературой. Лучше скажи, что случилось с телефоном?

– Отключили.

– И домашний?

– Домашний нет, но я сейчас в офисе ночую.

– Давно?

– Последнюю неделю. Работы много было.

– В офисе – это в Химках?

– Ну да.

– Хм, – сказал Турецкий.

– Что не так?

– Я в этот твой офис сегодня звонил, и секретарша сказала, что ты будешь после обеда. Что это значит?

– Значит, неплохая была секретарша, – задумчиво сказал Гордеев. – Жаль, поздно узнал.

– Почему – поздно? – удивился Турецкий.

– Я ее сегодня уволил.

Вообще-то Турецкий знал, что у Гордеева секретарши менялись едва ли не каждую неделю. Кроме того, едва Гордеев обосновался в Химках и снял там квартиру, у него начались один за другим какие-то дурацкие романы, которые хронически мешали работе. Причем поделаться ничем было нельзя, женщины летели к нему как мухи на сладкое. В жизни каждого мало-мальски нормального мужика бывает такой уникальный период. С точки зрения Турецкого – успевай пользоваться, но вот гордость и надежда отечественной юриспруденции Юрий Петрович Гордеев посчитал, что подобные беспорядочные связи мешают работе и карьере, и вернулся в Москву. Точнее, каждый вечер он возвращался к себе на Новую Башиловку, а каждое утро снова отправлялся в Химки. Железным, в общем, человеком был адвокат Гордеев, уж Турецкий-то это знал.

– Говоришь, у тебя много работы? – прозондировал он почву.

– Было много. Сегодня все закончилось, – сдержанно похвастался адвокат.

– Благополучно?

– Более-менее, – отмахнулся Гордеев, наслаждаясь своим кофе.

– Денег, поди, кучу заработал? – наседал Турецкий.

– Могу выручить, если что-то случилось.

– Не в том дело, – сказал Турецкий. – У меня к тебе другой интерес.

– Иди ты?

– Сначала ответь на мои вопросы, а то ты, ловкач, как в суде себя ведешь, запутал меня и уже увел в сторону.

– Честно говоря, что-то не помню, о чем ты спрашивал.

– О телефоне.

– О, Саня! Не в бровь, а в глаз. Ведь поэтому я к тебе и приехал!

Оказалось, что сотовая компания, клиентом которой являлся Гордеев, предоставляла ему бесплатные услуги, с тех пор как он, адвокат Гордеев, в свою очередь здорово помог вице-президенту этой компании. Но неделю назад того уволили, и все договоры, которые вице-президент заключал со своими личными клиентами, были аннулированы.

– Что же ты от меня хочешь? – удивился Турецкий. – Чтобы я завел на них дело из-за этого? Как судиться с ними, ты наверняка лучше меня знаешь.

– Судиться я не хочу, – возразил Гордеев. – Я вообще не люблю судиться, ты в курсе.

– Ну да!

– В смысле, ссориться не люблю. Отношения выяснять не люблю.

– Юрка, да это же твой хлеб! – засмеялся Турецкий. – Ты выясняешь отношения как никто другой, в суде по крайней мере.

Гордеев невозмутимо молчал, всем своим видом показывая: я сказал то, что сказал, и точка.

– Ну ладно, – сдался Турецкий. – А что ты хочешь?

– Хочу вернуть свой халявный тариф. Мне с ним, знаешь ли, было очень комфортно.

– Ну тут я не знаю, как тебе помочь! Тоже мне дело государственной важности!

– Саня, не кипятись. Может быть, вместе придумаем что-нибудь?

– Что тут придумаешь? Вот у Дениса Грязнова был, помнится, подобный случай, клиент не мог расплатиться и отдавал гонорар мобильными телефонами и чем-то там еще.

Гордеев кивнул.

– Все правильно. Это, между прочим, он и есть – тот самый бывший клиент Дениса. Я его по наследству получил. Только теперь этого человека там нет, он свою долю продал и уехал из страны, а его коллеги не хотят выполнять нашу договоренность.

– Юрка, – окончательно разозлился Турецкий, – я не понимаю, какого рожна ты мне все это рассказываешь? И вообще, что тебе, с твоими гонорарами, трудно потратить лишнюю сотню в месяц на телефон и забыть об этой истории?

Гордеев немного обиделся:

– Александр Борисович, может быть, вы все-таки сперва меня дослушаете?

– Ну?

– Дело не только в халяве. Как только все это прекратилось, мне стали звонить мои клиенты, коллеги, приятели – все они были возмущены тем, что я дал их телефоны каким-то уродам. Понимаешь? Им звонят натуральные бандиты, ругаются, угрожают на фене – короче говоря, нервируют людей. И меня заодно. Уже полтора десятка случаев. Тебе вот, например, еще никто подобный не звонил?

Турецкий озадаченно покачал головой.

– Теперь понимаешь, что произошло? – продолжал Гордеев. – Кто-то каким-то образом выкачал из моего аппарата всю записную книжку и...

– Кто?

– Я думаю, новые хозяева этой компании – «Вест-Телеком».

– Почему? Зачем им это делать?

– Чтобы доставить мне максимум неудобств и неприятностей, – предположил Гордеев. – Логично?

– Логично. А для чего?

– Откуда я знаю? Например, чтобы шантажировать. Чтобы получить деньги. Может, еще чашечку кофе? – задумчиво произнес Гордеев. – Ты не находишь, что я варю отличный кофе?

– Это моя кофеварка варит отличный кофе, – раздраженно уточнил Турецкий. – Не сбивай меня, черт побери, я и так ничего не понимаю! Что ты имел в виду? Кого шантажировать? От кого получать деньги? От тебя?

– От меня.

– А у тебя много денег? – прищурился Турецкий.

– Не твоё дело. Мало. Не важно, сколько, – непоследовательно сказал Гордеев. – Нет, пожалуй, не стоит больше пить кофе.

— Подожди, ты знаешь, кто эти люди – новые хозяева компании?

– Ещё бы. Я сейчас только тем и занимался, что выяснял их подноготную.

– Ага! И нарыл что-то интересное?

– Да выше крыши, – заверил Гордеев. – Только все равно непонятно, зачем портить нервы какому-то адвокату.

– Юра, а ты, значит, считаешь, что все неприятности проистекают именно оттуда? Ты уверен, что твой телефон просто не попадал в чужие руки, что ты, например, его нигде не оставлял?

– Абсолютно уверен. Саня, что предпринять, а? Я страшно зол, хочу разобраться с теми уродами, которые подложили мне такую свинью. Мне нужна моральная компенсация и здоровый сон.

Турецкий закурил очередную сигарету и погрузился в размышления. Гордеев терпеливо молчал. Он знал, что за всеми подначками и усмешками скрываются изощренный интеллект и колоссальный опыт. Гордеев был уверен в том, что со своей проблемой (возможно, на первый взгляд она и казалась не стоящей выеденного яйца, но он чувствовал, что это не так) он пришел к тому, к кому надо.

– Вот что, – сказал наконец Турецкий, – у меня есть одна идея. Но прежде чем я ее озвучу, давай договоримся. Если я помогу тебе, то ты поможешь мне.

– В каком смысле? – насторожился Гордеев. – Что значит – помочь тебе? Если, допустим, надо мебель передвинуть, то я готов.

– Ты знаешь, в каком смысле. В профессиональном. Надо кое-кому помочь. Только ты с этим справишься.

– То есть это клиент? – уточнил Гордеев. – Новое дело? Какая-то очередная запутанная хренотень, к которой имеешь отношение ты или Грязнов?

– Да или нет? – сказал Турецкий.

– А что, у меня есть выбор? – вздохнул адвокат. – Ладно, если это в моей компетенции, то я сейчас свободен.

– Тогда так, – сказал Турецкий. – Переформулируем задачу. Сперва ты поможешь мне, а потом я помогу тебе.

– Что?! – возмутился Гордеев. – Ты же только что говорил совершенно обратное!

– Тебе ли не знать, Юра, как профессиональные юристы тасуют факты. Да или нет?

– Саня, ну что за свинство!

– Предлагаю компромисс. Ты немедленно возьмешь нового клиента, а с твоим делом мы тянуть тоже не станем.

Гордеев вздохнул:

– Не могу не признать, развел ты меня весьма искусно. И сознайся, с самого начала ведь знал, как все будет, а?

Турецкий невинно улыбнулся.

– Ну ты и жук. Ладно, рассказывай, что натворил мой будущий клиент.

– Ничего особенного, – Турецкий наслаждался, вспоминая собственное изумление от того, что впервые услышал от Грязнова, – замочил парочку человек...

– Замечательно, – с сарказмом сказал Гордеев. – Нечто подобное я и ожидал услышать.

– И случилось это, заметь, в твоих родных Химках.

– Интересно... Что же это за дело, о котором я не знаю?

– Оно, видишь ли, не совсем свежее. Наверно, это случилось, когда тебя еще в Химках и не было.

– Не понял. Так я, что ли, буду у него уже не первый адвокат? Как это все понять? Работа над ошибками? Или в команде?

– Все предельно просто, – успокоил Турецкий. – Парень уже сидит, и его надо вытащить на волю. Для этого предстоит найти основания. То есть адвокат, который этим займется, должен иметь мощные икроножные мышцы. Кроме тебя, другого такого нет. Подозреваю, что история запутанная, не все там просто, и парень непростой. Возьмешь дело в порядке надзора?

– Давай конкретней, – пропустил мимо ушей комплимент Гордеев. – Так он никого не убивал? Он невиновен?

– Понятия не имею, – признался Турецкий. – Я не очень в курсе. Славка говорит, что он, кажется, все-таки застрелил тех двоих в пределах допустимой самообороны.

– Славка! Ну конечно, все-таки он! – окрылся Гордеев. – Кто еще мог подсунуть такое замечательное дельце! Этот тип – его креатура, да?

– Не рычи, – посоветовал Турецкий. – Славка плохого не предложит.

– Плавали, знаем, – вздохнул Гордеев. – Ладно, я ведь согласился? Согласился. Теперь твоя очередь. Ты говорил, что у тебя есть идея. Выкладывай.

– Я так говорил? – удивился Турецкий.

– Еще бы!

– А, припоминаю. Значит, идея такая... – Турецкий посмотрел на часы. – Что, если нам пообедать?

– В принципе я проголодался, – сознался адвокат. – И за обедом ты поделишься этой своей идеей?

– Ты не понял, – улыбнулся Турецкий. – Это моя идея и есть.

4

Сергей стоял с биноклем на верхней палубе, смотрел на один берег, терявшийся в зыбкой дымке, на другой – вообще невидимый, вперед – на бесконечную гладь с барашками волн – и представлял, что он на капитанском мостике, и его приказам подчиняются огромные турбины, и он легко сможет провести свой корабль и по желтым водам Амазонки, и по синей глади океана, и обогнуть землю вокруг, и дойти до Северного полюса... На самом деле бинокль был отцовским, а не капитанским, это он знал наверняка...

Великанов проснулся, оттого что в барак вошло сразу много людей, они, вероятно, пришли с обеда, вяло переговаривались между собой – словно мухи жужжали. Стоял какой-то назойливый шум, складывавшийся из десятков голосов, говоривших примерно одно и то же. Великанов уже знал все эти разговоры наизусть: о том, кому какая пришла посылка; о том, как позавчера Витьку-Зонтика из второго барака кто-то пять раз проткнул шилом в районе почек, когда упомянутый Зонтик ходил справлять малую нужду; о том, что в пятой бригаде, которую полным составом перевели с шитья бушлатов на лесоповал, нашли коробку анаши, уже наполовину пустую, но еще килограмма на полтора там оставалось, значит, они, счастливичики, курили ее уже бог знает сколько, но что кто-то за это получит довесок – дополнительный срок. И так далее.

– Что на обед было? – спросил он у соседа по бараку, чтобы спросить хоть что-нибудь. В лагере, как и в любом другом месте, где собрано много людей, принято общаться, пусть хотя бы и формально.

Сосед, Федор Крикунов, обычно визгливый толстяк, который не худел ни при каких жизненных обстоятельствах, а возможно, и родился с такой вот круглой рожей и весом сто десять килограммов, сидел за вооруженное ограбление пункта обмена валюты. По его словам, он был невинен как младенец, потому что сидел за рулем, пока его подельники потрошили кассу, и даже не знал, куда и зачем они ушли.

Сейчас сосед выглядел довольным и умиротворенным, будто вернулся с тещиных блинов, отвел там душу, да к тому же и тещу не застал.

– Какая-то желтая бурда, а в ней куски чего-то коричневого цвета, – сказал Крикунов без малейшей доли иронии. Чувство юмора было ему незнакомо, но у него было иное достоинство, с лихвой покрывавшее этот существенный в глазах Великанова недостаток. Крикунов каким-то невероятным образом собирал все лагерные слухи и непостижимым чутьем фильтровал из них наиболее достоверные. Обычно все его предсказания сбывались, так что к его словам Великанов прислушивался внимательнее, чем в свое время на воле к прогнозу погоды.

– Конечно, у тебя там, в лазарете, всегда есть чем полакомиться, – завистливо добавил Крикунов.

– Ошибаешься, – равнодушно возразил Великанов и повернулся к стенке.

Действительно, он работал в лазарете, и это была существенная привилегия. Его не трогали блатные, почти не приставала с требованием стучать лагерная администрация, он не обязан был подчиняться некоторым формальным лагерным законам. Он должен был присутствовать на утренней и вечерней поверке и еще – лечить людей. Точнее, как объяснил ему в свое время заместитель начальника зоны по оперативной работе майор Ковалев, он должен не давать им умереть.

Первоначально такая поправка не казалась Великанову циничной или даже просто примечательной, но потом он понял, в чем ее суть, когда увидел, как работают его коллеги. Эти три медика, которые на колонию в шестьсот семьдесят восемь человек и составляли весь медицинский персонал, были и докторами, и фельдшерами, и медбратьями. Достаточно было убедиться в том, что жизни пациента не угрожает опасность, и к нему теряли интерес. Это было

не от профессионального бездушия, какой-то особенной черствости или даже жестокости – нет, просто существование здесь давно и прочно было подогнано под особенные стандарты, в которых отдельный человек утрачивал свою индивидуальную значимость, и его жизнь оценивалась в те несколько рублей в день, которые государство тратило на его содержание в одном отдельно взятом лагере.

Рядом появился еще один сосед, увалень лет двадцати пяти. На зоне не принято в лоб спрашивать, за что сидишь, но от Крикунова отделаться парень не смог. Его звали Олег, был этот Олег родом из Химок (Великанов ни одним движением себя не выдал, не хотел он тут никакого сближения с кем бы то ни было), и он рассказал примечательную историю.

– ...После армии я погулял маленько, а потом устроился на авиационный завод имени этого хрена, как его, Лавочкина, что ли. Вот. В штамповочном цеху, когда я там работал, за станками стояли почти только одни женщины. Они изготавливали из стальной ленты мелкие детали, и те поступали потом на дальнейшую обработку, а я развозил их на электрокаре по другим цехам. И вот в том штамповочном была одна такая фифа с длинными черными волосами и огромными глазами, она работала на сверлильном станке. За ней все увивались, и я тоже, но добиться ничего не мог, она была холодная такая, стерва. – Олег немного помолчал, потом сказал: – Ну, правда, не совсем. Ходила все-таки с одним из заводской конторы, и тот всегда поджидал ее у контрольных часов, но вот однажды, когда нам пришлось работать сверхурочно, он ее не дождался. И тут я подумал: дай-ка попробую! Только так подумал – а она и идет, ну я спросил ее, конечно, не подвезти ли мне ее домой, у меня тогда был мотоцикл. И она сказала «да» и безо всякого села позади меня. Я ей отдал свой шлем, и она вцепилась в меня как кошка.

– Ага, – оживился Крикунов. – Ну-ну? Дальше-то что?

– Короче, я довез ее до дома, она жила в пригороде, и, когда мы ехали, ее волосы развевались, я все поворачивался и смотрел на них, а она и говорит: «Ты, дебил, смотри лучше вперед, если еще хочешь жить».

Крикунов снова заржал. Великанов молчал, отвернувшись к стенке, но что-то в этом рассказе заставило его напрячься.

– Потом я спросил ее, не ходит ли она со мной в кино, и она снова сказала «да», а у меня было такое чувство, будто мне морочат голову. Она пошла переодеваться, а я сидел в кухне и ждал. Ее мать или тетка, уж не помню точно, сварила мне кофе, а потом мы поехали в кино и маленько там пообжимались, а потом пошли в соседний бар, поужинали там и выпили, и она спросила, как же теперь я сяду на мотоцикл, а я, конечно, сказал, что это ерунда, – ну это правда была ерунда. В общем, я ее спросил, не поедет ли она ко мне, но она холодно сказала «нет» и еще, что это я себе вообразил, будто смогу ее трахать за кино и один ужин?!

Крикунов снова засмеялся.

– Ты будешь слушать или нет? – обиделся Олег.

– Молчу, молчу...

– Ну вот... Я молча довез ее до дома и всю ночь не мог уснуть, так мне было обидно. На следующий день за ней опять пришел ее жеребец из конторы и всю следующую неделю приходил тоже, но вдруг она с ним порвала – забрала, стерва, выше и стала ходить с инженером из конструкторского бюро, и тут уж я окончательно скис, жуткая тоска на меня напала. И вот не прошло и недели, как он является с секундомером в руке, чтобы сделать ей новые расценки. И главное же все видели: работала она специально медленно, а он не сказал ей ни слова и только записал количество сделанных штук, а как только она получила свои новые расценки, так поднажала, стала работать как бешеная и, конечно, бабок намолотила... Я еще тогда подумал, что добром это не кончится, ну и как-то так вышло, что потом она попала своими черными волосами в станок, они намотались на сверло, и ее начало медленно затягивать, а она

не могла дотянуться рукой, чтобы выключить станок, и ей так и сдернуло все волосы с головы вместе с кожей. Так ей и надо, стерве такой.

– Так, – сказал Крикунов. – Так, и что?

– Ну «что», «что»! – раздраженно сказал Олег. – Нашлась какая-то сука, которая стукнула, что видела, как я ей «помог» с этим станком.

– Ах вот оно что, – протянул Крикунов. – Так ты, значит, помог?

– Ни хрена я не помог! Просто стоял и смотрел, как ее наматывает! Да разве ментам что докажешь?! Полгода в предварилровке промурыжили, теперь вот сюда, к вам. Тут как, вообще, жить можно?

– Жить, паря, везде можно, – хлопнул его по плечу Крикунов. – Другой вопрос – нужно ли? Правильно я говорю, Серега?

Великанов рывком сел на кровати.

– Ты что, Серега? – удивился Крикунов.

– Что-то чувствую себя паршиво. Пойду в туалет схожу.

– Вот-вот, – засмеялся Крикунов, – там много чем полезным можно заняться. Сделай себе что-нибудь для души, Серега!

Великанов вышел на воздух и посмотрел на небо. Становилось пасмурно.

– Что, доктор, – спросил сзади незнакомый голос, – утомили кого-то сегодня? Какой-то вы серый.

– Мы тут все одного цвета, – буркнул Великанов.

Он хорошо помнил женщину, за которой он приезжал с бригадой «скорой». Выглядела она действительно так, будто с нее сняли скальп. Ничего подобного выдавший виды доктор Великанов в своей жизни не встречал. От потери крови она умереть не должна была – вовремя сделали перевязку. Но произошло заражение, за ее жизнь бились две недели, и она все-таки не выжила...

– Хорошо здесь, правда? – сказал человек таким неподдельно искренним тоном, что Великанов наконец с изумлением посмотрел на него. Кому же, в самом деле, может быть хорошо здесь, в лагере?!

Это был глубокий старик, приземистый, коренастый, лицо его было испещрено десятками морщин и, возможно, шрамов. Близко посаженные, немигающие глаза пристально смотрели на Великанова. Великанов подумал, что, возможно, он не такой старый, как показалось на первый взгляд. Он уже давно заметил, что у матерых уголовников такое бывает – именно лицо стремительно стареет, опережая тело, видимо, это следствие «профессии».

– И что же тут хорошего? – не удержавшись, сказал Великанов.

– Природа. Воздух. Красота, – коротко проинформировал собеседник.

Великанов вспомнил, что это человек, пришедший одним этапом с химкинским Олегом, новенький. Великанов не стал вступать в дальнейший спор, он уже был ученый и хорошо знал, что помалкивать – самый верный способ сохранить здоровье в неволе. Но он почему-то все же испытал какую-то потребность в том, чтобы ответить, словно находился в гостях, где к нему подошел подвыпивший человек с назойливым и бессмысленным разговором, и правила хорошего тона обязывают его по крайней мере не хамить. Кроме того, старик обладал какой-то странной харизмой – Великанов против своей воли почувствовал интерес к нему, будто этот многоопытный, судя по татуировкам на руках, и пожилой новичок знает что-то про его, великановскую, судьбу.

– Я бы предпочел, – сдержанно сказал Великанов, – гулять в этих замечательных краях по своей воле.

– Понятно, понятно, – закивал собеседник. – Как говорил Гёте, не занимайся я природоведением, я бы так и не научился досконально узнавать людей.

– Что?! – совсем уж изумился Великанов.

Удивляться в самом деле было чему. Один раз Великанов встретил в тюрьме, еще на предварительном следствии, человека, читавшего Карлоса Кастанеду и всерьез уверявшего, что, когда он дойдет до десятой книги, он овладеет искусством левитации, научится уменьшать плотность собственного тела и просто улетучится сквозь решетки. Великанова потом перевели в другую камеру, а любителя Кастанеды, по слухам, прирезали за карточный долг. Еще Великанов встречал изредка случайно угодивших в неволю людей гуманитарных профессий, которым как раз бы и пристало цитировать что-нибудь эдакое, высоколобое, но они, как правило, все больше интересовались Уголовным кодексом, своими апелляциями и прочими бессмысленными бумажками. Никто ничего подобного на памяти Великанова не произносил.

– При чем тут Гёте? – осторожно переспросил Великанов.

– Может, и в самом деле ни при чем. А может, и нет. Гений всегда каким-нибудь боком может встрять в самую бытовую, извините, ситуевину.

Надо же, подумал Великанов, извиняется, старый хрыч. А за что?

– Я в том смысле, что природа – вещь такая, она не очень-то позволяет с собой шутки шутить, – сказал старик. – Она всегда правдива, серьезна и сурова. Особенно наша, русская природа. Природа неизменно права, это человеку присущи ошибки и заблуждения. И если он не хочет в них признаваться, тогда уж... – Старик махнул рукой. – Нищего духом она чурается.

– Да прямо уж, – сказал растерявшийся Великанов. – Можно подумать... А что вы там... насчет Гёте?

– Гёте по этому поводу заметил, что растение тянется вверх от узла к узлу, завершаясь цветком и зародышем. Так же обстоит и в животном мире. И у человека.

– Например? – с интересом спросил Великанов.

– Гусеница, ленточный червь тоже растут от узла к узлу и в конце концов образуют голову. У более высокоразвитых животных и у людей такую функцию выполняют постепенно прибавляющиеся позвонки, они заканчиваются головой, в которой концентрируются все силы. Все силы – в голове, по-моему, это важно. Хотите закурить?

– У меня есть «Беломор».

– Оставьте эту дрянь до тех времен, Сергей Сергеевич, когда соберетесь завести себе рак легких, – посоветовал старик. – Вот возьмите лучше «Кент», кстати, и в дальнейшем могу вас снабжать...

Отказываться было просто глупо. Великанов с наслаждением закурил, чувствуя к незнакомому человеку искреннюю благодарность за такой в общем-то пустяковый жест... Надо же, как странно, он уже и забыл, когда с ним было такое последний раз.

– Откуда вы знаете, как меня зовут?

– Слышал пять минут назад, как вас приятель величал.

– Вот как...

– Да, у меня слух хороший.

– Кажется, он меня называл только по имени.

– Верно, – ухмыльнулся старик. – Тогда замнем для ясности.

Хороша ясность, подумал Великанов, и ему стало не по себе. Он знал, что в подобных беседах следует быть крайне осторожным. Большинство неприятностей в тюрьме люди получают исключительно по своей вине. Как в том анекдоте, когда новичок, войдя в камеру, объявил: «Здорово, козлы!» Ему объяснили, что это слово нехорошее. Поднявшись с пола, он воскликнул: «Так бы сразу и сказали! А то раскричались, как петухи».

Все это вихрем пронеслось в голове Великанова, когда он соображал, как бы поделикатней уточнить, с кем, собственно, имеет честь вести светскую беседу. Но старик его опередил:

– Ну а меня зовите Гномом.

– Это тоже имя?

– Для вас именно так.

– Интересно, какое отчество у ваших детей? Гномовичи?

– Напрасный труд, Сергей Сергеевич, – улыбнулся Гном. – Я пребываю в великолепном расположении духа, и от такого симпатичного человека, как вы, никакой обиды не восприму. Помните, что я говорил про человека и высокоразвитых животных?

– У них такие прибавляющиеся позвонки заканчиваются головой, в которой концентрируются все силы. К чему вы клоните?

– Сейчас объясню, – охотно кивнул Гном. – То же самое происходит не только с отдельными особями, но и с целыми корпорациями. Вот пчелы, например... как вы относитесь к пчелам?

Великанов пожал плечами:

– Не так чтобы всей душой...

– Мед любите?

– В общем, да. В детстве любил.

– Отлично. Пчелы – это множество особей, живущих семьей, вместе производят нечто завершенное, иными словами, то, что следует считать головою, – пчелиную матку. Вам это ничего не напоминает? – Гном обвел зону взглядом.

«Ну и жук, – подумал Великанов. – Но к чему он клонит? Зачем весь этот разговор? Ладно, надо его как-то поддержать».

– И как это происходит? – спросил он, не уточняя, кого имеет в виду – пчелиную семью в улье или человеческую в лагере.

– Как это происходит – тайна, ее трудно облечь в слова, но кое-какие соображения на этот счет у меня все же имеются. Люди сами порождают своих героев, которые, словно полубоги, защищают их и ведут если не к славе, то к подлинному благополучию. Подобные избранные судьбы главенствуют в своем поколении. В общем... Надо дожить до старости, чтобы все это постичь, – неожиданно закончил свою мысль Гном.

– И еще надо иметь достаточно средств, чтобы оплачивать приобретенные знания, – сказал Великанов.

Гном рассмеялся:

– И это явно касается не только денег! Кто-то расплачивается банкнотами, кто-то – временем, проведенным за решеткой, верно? Кажется, мы с вами подружимся.

– С чего это вам так кажется?

– Просто такое ощущение. – И Гном ушел.

Великанов оказался не готов к такому окончанию разговора и остался стоять, немного растерянно глядя ему вслед. Очень странный человек. Даже для зоны, где всяких чудиков хватает, в высшей степени необычный.

Через час после вечерней поверки Великанов смотрел в плохо выбеленный потолок и не спал. Ему пришло в голову, что почти у всех людей характер приспособлен к какому-либо одному возрасту и в этом возрасте выделяется особенно благоприятно. А что?! Неплохая, в сущности, идея, которая могла быть исходным тезисом какой-нибудь диссертации по психологии. Некоторые бывают вполне милыми юношами, но позже эта их черта исчезает; другие, например, сильны и деятельны в зрелом возрасте, но старость отнимает у них эти достоинства; третьи наиболее привлекательны именно в старости, когда они, благодаря опыту и большей уравновешенности, приобретают какую-то удивительную харизму. Кажется, именно такого человека он и встретил сегодня.

Великанов смотрел в потолок и думал, что, вероятно, так происходит просто потому, что в самом характере каждого человека заключается что-то юношеское, мужественное или старческое, что гармонирует с соответствующим возрастом. Он помнил многие часы утомительной езды в арестантском вагоне, когда казалось, что все остановилось: и время, и поезд, и иногда, только потому что предметы за окном – деревья, дома – удалялись и становились

все меньше, в его затуманенное сознание проникала мысль, что поезд по-прежнему едет. «А может быть, – не без дрожи подумал Великанов, – может быть, я старею лишь потому, что мне кажутся молодыми люди все более и более великовозрастные? Вот этот самый сегодняшний старик, например?!»

5

На следующий день к нему в лазарет принесли... Гнома. Глаза у него были закрыты, губы плотно сжаты, со стороны казалось, что он не дышит.

– Что случилось? – спросил Великанов.

Гном открыл один глаз, повращал им, сфокусировался на докторе и сказал безо всякой интонации:

– Полное ощущение того, что мы живем в Индии.

– Что?! – изумился Великанов.

Гном сел на кровати и сказал так, будто это все объясняло:

– Баньян.

Те, кто принес его, уже удалились, больше в комнате никого не было. Но Великанов чувствовал себя неуютно.

– То есть?

– Дерево-лес. Баньян. Родственник фикуса и шелковицы, в Индии считается священным деревом.

Великанов поднялся на ноги.

– Слушайте, Гном или как вас там! Что вы здесь делаете?! Здесь место для тех, кто болен!

Старик сделал успокаивающее движение рукой:

– Не волнуйтесь, Сергей Сергеевич, пока я отсюда не выйду, в лазарете никто не появится, гарантирую.

– Почему вы так в этом уверены? – опешил Великанов.

– Потому что знаю свои права, – усмехнулся Гном. – Да вы не волнуйтесь. Вы знаете, что это такое – смотрящий?

– Приходилось слышать, – сдержанно сказал Великанов. Он вспомнил, что последнее время до него доносились отголоски разговоров (точнее, всеведущий Крикунов доносил), что на зоне не осталось авторитетных воров и с новым этапом должен приехать новый смотрящий. Неужели этот самый Гном... – Великанов почувствовал, как у него пересохло в горле. – И что?

– Я не закончил свою мысль, – напомнил Гном. – Индия. Баньян. Понимаете?

– Нет.

– Слушайте, у вас чаек нормальный есть? Давайте чифирнем как положено, не возражаете? Пациентов у вас в ближайшее время не будет, я гарантирую.

Великанов заварил по пятьдесят граммов заварки на кружку, и пока она настаивалась, Гном развивал свою мысль:

– Баньян – хитрое дерево. Семечко баньяна попадает в трещину коры другого дерева и растет, оплетая своей кроной крону дерева-хозяина. Потом баньян пускает вниз корни, они утолщаются и превращаются в стволы. А крона ползет дальше. Представляете?

– Вы, похоже, большой поклонник ботаники? – предположил Великанов.

– Я к чему веду... – не отреагировал Гном. – У дерева-леса может быть несколько тысяч стволов! Этот баньян живет много веков, пока его не уничтожит буря там или наводнение. Так вот, наши леса вокруг лагерей – это же сущий баньян, как вы считаете? Одно сплошное дерево – один сплошной лесоповал.

– Неплохой образ, – оценил Великанов.

– Стараемся, – скромно покивал Гном. – Чаек заварился?

Великанов подвинул ему кружку.

– Спасибо... Я смотрю, неплохо вы тут устроены, уважают вас, ценят. Ну и правильно делают.

Великанов неопределенно пожал плечами.

– Это я к тому, что срок-то на вас немалый висит – за двойное-то убийство. Значит, понимают люди: доктор Великанов к нам надолго пожаловал, надо создать ему подходящие условия для работы... ну и вообще для жизни. Условия для жизни – это ведь важно, а, Сергей Сергеевич?

– Вы о чем сейчас говорите? – Великанов чувствовал в этих общих фразах какое-то скрытое напряжение. То, что его собеседник, совсем недавно появившийся на зоне, уже был осведомлен о его личных обстоятельствах, большого удивления у Великанова не вызвало, хотя все равно было неприятно.

– О чем говорю? О жизни нашей грешной. Вы знаете, Сергей Сергеевич, что в Ветхом Завете продолжительность человеческой жизни определяется в семьдесят лет?

– Точно? – засомневался Великанов.

– Точно, – успокоил Гном. – Девяностый псалом, не трудитесь проверять. И что еще важнее, Геродот говорит то же самое. Но это неверно и основывается на грубом, поверхностном толковании каждодневного опыта.

Великанов уже не удивлялся ни Ветхому Завету, ни Геродоту.

– Почему? А как же Данте? «Земную жизнь пройдя до середины, я заблудился в сумрачном лесу». А ему было тридцать пять, когда он это написал. И в эпоху Возрождения полноценную жизнь оценивали в семьдесят лет.

– Ерунда! – отмахнулся Гном. – Если бы естественная продолжительность жизни была семьдесят – восемьдесят лет, то люди умирали бы в эти годы от старости. А на самом же деле все не так, и вы как медик знаете это лучше других. Они в этом возрасте, как и в более молодом, умирают от болезней, а так как болезнь есть очевидная аномалия, то такую смерть нельзя назвать естественной. В сущности, век человека девяносто – сто лет. Вот в эти годы люди умирают только от старости, без болезней, без хрипа, без судорог, без предсмертной борьбы, иногда даже не бледнея, большей частью сидя, после еды. Они, собственно, даже не умирают, а просто перестают жить.

Великанов смотрел на Гнома во все глаза, внутри у него все похолодело. Сейчас происходила странная вещь: этот невероятный Гном внятно и рационально озвучивал то, что копилось у Великанова в душе уже многие годы.

– ...Смерть раньше этого возраста вызывается лишь болезнями, а потому преждевременна, – говорил Гном. – Упанишады вполне правы, определяя естественную продолжительность жизни в сто лет. Человеческую жизнь нельзя, в сущности, назвать ни длинной, ни короткой, так как именно она и служит масштабом, которым мы измеряем все остальные сроки.

– Что вы имеете в виду?

– Различие юности и старости в том, что у первой в перспективе жизнь, у второй – смерть, что первая имеет короткое прошлое и долгое будущее, вторая – наоборот. Правда, старик имеет лишь смерть перед собою, у юноши же впереди — жизнь; но еще вопрос, что привлекательнее и не лучше ли, вообще говоря, иметь жизнь позади, чем перед собою? Ведь написано же в Екклесиасте: «День смерти лучше дня рождения». Во всяком случае, желание жить долго – весьма смелое, недаром испанская пословица говорит: «Кто долго живет – видит много зла».

– Испанская? – повторил Великанов.

– Ну да.

– Слушайте, откуда вы всего этого нахватались? – не выдержал Великанов.

– Тайна сия велика есть, – засмеялся старик.

– Да ладно вам!

– Просто где-то читал, что-то запомнил.

– Но ведь все что-то где-то когда-то читают и у всех...

– Что – у всех? Дырка в голове? – поинтересовался Гном, хитро сощурившись – ни дать ни взять сцена из поэмы Твардовского «Ленин и печник».

– Да не в этом дело, – махнул рукой Великанов, – просто вы словно мои сны украли.

– Надо же, какие сны у вас, – покачал головой Гном. – А я думал, на зоне всем бабы снятся. Мой собственный немаленький опыт в первую очередь об этом свидетельствует.

– По-всякому, – коротко сказал Великанов. – Объясните, почему вы со мной столько разговариваете? У меня такое чувство, что вы обо мне что-то серьезное знаете, а между тем я о вас – ничего. Я, знаете ли, из-за этого нервничаю. Я не привык. Что вам от меня нужно вообще, а?!

Гном криво усмехнулся:

– Так вам сразу все и скажи. Дайте же и мне удовольствие получить от процесса.

– От какого процесса? – похолодел Великанов.

– Ну вот, допустим, чаек у вас отменный.

– Ах это... да, английский «Ахмад», пациент принес. Я тут одному фурункулез вылечил.

– Наверно, Кудрявый из второго отряда, – предположил Гном.

– Откуда вы знаете? – машинально сказал Великанов, без особого, впрочем, удивления.

Не такая уж это была тайна.

Кудрявый был мужик непростой, сидел он за какую-то хитрую аферу, на зоне держался особняком, но его никто не задирали, —по-видимому, он тоже находился в каком-то авторитете.

– Рассказали, – коротко объяснил Гном.

Кто мог рассказать – непонятно, сам молчаливый Кудрявый – едва ли, а больше тому свидетелей не было. Ну да ладно...

– А на воле я зеленый любил, – сказал Великанов и прикусил губу, сообразив, что это лишнее. Любая частная информация – лишняя. Чем меньше о тебе знают, тем целее будешь.

– На воле... Все меняется. Когда-то, между прочим, чай был здесь абсолютной валютой, на чай меняли все, из-за чая убивали, растлевали, мучили.

– Ну да? – с сомнением протянул Великанов.

– Говорю вам, так и было. И кое-где, может, еще и бывает. Просто сейчас часто и другой полезный товар на зону проникает. А тогда чай – это было все.

– И вы видели? Как убивали, растлевали?

– Еще бы... Помню, при допросах я сразу просил следака принести плитку чаю и только тогда соглашался давать показания. Раньше на воле из чая делали вытяжку, концентрат, которым начиняли конфеты и пропитывали оберточную бумагу, добавляли во все разрешенное к пересылке в тюрьму и на зону. А в тюрьме и на зоне чай считался средством от всех болезней: от желудочных и головных болей, им промывали глаза и раны, прополаскивали половые органы, смачивали бинты и накладывали на опухоли. Это вам, как лепиле... э-э, простите, эскулапу, должно быть интересно.

– Мне на это плевать и как лепиле, и как эскулапу.

– Зря, зря, никакие знания лишними не бывают. Да что говорить, чай был важнейшим элементом любого эковского ритуала, им поддерживали эков настоящих, понимающих вкус арестантской жизни. Можно, кстати, жевануть чай и всухую.

– Увольте, – поморщился Великанов.

– Напрасно вы так. Сначала это, конечно, непривычно – словно песку в рот набрал, но потом, послушав, почувствуешь прилив сил, на мгновение отойдешь от сумеречных мыслей.

– Вот как, – иронично протянул доктор. – Значит, и вам они нечужды? А мне казалось, вы такой оптимист. Жить вот долго собираетесь...

Во всем этом разговоре был не то чтобы подтекст, скорее, какой-то неопределенный и тревожный задний план, который Великанов, как ни силился, разглядеть не мог.

Гном помолчал со все той же своей неопределенной улыбочкой, потом сказал:

– Я ведь тут недавно появился и пока никуда отсюда не собираюсь. – Он повертел в руках пустую кружку. – Надо будет вам стакан подарить – из железа пить неприятно. Почувствуете себя еще комфортнее. И мне будет приятней к вам в гости заходить.

«А буду ли я тебя еще приглашать», – подумал Великанов и буркнул:

– Уж извините, пью из того, что есть. И потом, стаканы бьются, а кружки надежнее.

– Это верно, конечно, но я вообще-то хотел о другом с вами поговорить.

– О другом?

– Ну да, о другом стакане.

– Не понимаю, – пробормотал Великанов.

– Да все вы понимаете, Сергей Сергеевич, все прекрасно, великолепно, замечательно понимаете!

Великанов отрицательно покачал головой – то ли по-прежнему утверждая, что не понимает, то ли отказываясь продолжать этот пустой разговор. Но Гном не дал ему уклониться и сказал негромко и жестко:

– Самодельная минная конструкция, так называемый стакан, – знаете такой?

Великанов почувствовал, как кровь отхлынула от лица.

Гном придвинул к нему вплотную свое страшное лицо и сказал безо всякой улыбки:

– Я, дорогой мой доктор, уже когда сюда ехал, знал, кого встречу, так что точно никуда не тороплюсь. Мои сто лет еще не скоро нагрянут. Еще увидимся. – И он ушел.

Великанов обхватил голову двумя руками. Впервые за долгое время ему было страшно. Он понял: Гном сел сюда единственно для того, чтобы увидеть его, доктора Великанова. Никакой он не смотрящий. Это человек, специально присланный сюда кем-то нагонять на него ужас. Кем? И зачем?

Он отхлебнул остывшего чая. Честно говоря, ничего принципиально нового про чай Гном ему не рассказал. Великанов и сам знал, что чай – это зачастую вся жизнь лагеря, его духовное наполнение и главный поставщик витаминов в обессиленное тело зэка. Зэк так к нему привыкает, что, когда чая нет, это бедствие – сумерки, болит голова, трещат кости, замирает сердце. Великанов помнил, как в камере Бутырок началась тотальная драка, и спасителем оказался именно он – новичок с несколькими коробками чая. Его чай примирил тогда всех.

Сидя в СИЗО, Великанов наслушался рассказов о том, что в ожидании ареста будущий зэк прячет чай в шапке, в обшлаге рукавов, в ремне, в каблуках, в резинке трусов. Мастера делают из чая черное, как смоль, варево, которым пропитывают рубашки и майки. В прежние времена, по крайней мере, это было особенно популярно.

И действительно, оказалось, что за решеткой чай объединяет крепче, чем спиртное на воле. В лагерном ларьке прежде всего отовариваются чаем. В тюремном шмоне чай спасали в первую очередь, его не запахло было прятать куда угодно – хоть в туалет, так что камеры, в которых имеются закладки чая, считаются особо хорошими. В тюрьме и на зоне пачку приличного чая можно купить не каждый месяц, так что часто за провинность зэки наказываются лишением ларька. А в лагерных столовых чай похож сам на себя только по цвету: как правило, там его делают из спитой заварки, запаренной с содой.

Чай бывает просто на вес золота, его ищут в сидорах – не завалились ли чаинки, перебирают вату матрасов и подушек, так как там он может завалиться. Найдя что-либо похожее на чаинки, кипятят. Чай пересыпают и заваривают нежно, как драгоценность. В общем, чифирист за чай продаст душу, не задумываясь. Но самое замечательное то, как его здесь заваривают: кипятят много раз, практически до бесконечности. Каждый такой этап называется «подъем». Три первых подъема – «первяк», «вторяк» и «третьяк» – считаются благородными и соответственно полагаются самым авторитетным людям. В конце концов на подъем чай отдается педерастам. Но некоторые и спитую заварку не выбрасывают, ее сушат и добавляют, мухлюя, в настоящий...

«Но к чему он это все вспоминает?» – подумал Великанов.

...В СИЗО чай варили на «дровах» из байковых рубаш и нательного белья, из которых заранее делали жгуты-закрутки, – они давали хороший огонь, плотное пламя и отсутствие запаха. Их поджигали, над фитилем держали кружку с водой. В считанные минуты вода начинала бурлить, и тогда туда сыпали чай. Он поднимался кипячением несколько раз. Полученное варево сливалось в эмалированную кружку старшего в камере. Пили чифирь по кругу, передавая кружку друг другу: по глотку в первый круг, затем по два – во второй и так далее...

Своими глазами видел Великанов чаевара-виртуоза, который, разговаривая через кормушку с надзирателем, кипятил чай, при этом он одной рукой держал кружку, другой – пламя из сложенной китайским веером газеты! Опытные зэки говорили, что плохое пламя дают московские газеты, отпечатанные на белой финской бумаге, лучше своя бумага, пермских и сахалинских целлюлозно-бумажных комбинатов, – так, по крайней мере, говорили в камере московской тюрьмы, где, конечно, никаких сибирских и дальневосточных газет быть не могло. Чай варили везде – на шконках и под ними, на одеялах. В этом случае под кружку подстилали мокрое полотенце, чтобы матрас не загорелся. Умудрялись даже варить в автозаках – будках-коробках, которыми доставляют на объекты зэков из выездных зон...

А на зону чай часто просто забрасывают, поэтому лагеря и объекты, находящиеся в них, окружены сеткой «противокида» высотой пятнадцать – двадцать метров. На этой сетке всегда висят «мертвяки» – не долетевшие до зоны пакеты с чаем, висят как повешенные, служа предметом частых пересудов зэков. Мастера «кида» – это непревзойденные спортсмены. Рейтинг зоны повышается, если туда можно закидывать, забрасывать с размаху – с руки, с бега, с машин, с мотоциклов. Используют даже самострелы-арбалеты и переносные «кидо-бросальные» машины. Кидают обычно в праздничные, воскресные дни, ночью, заранее оповещая о времени. Удачный «кид» – просто праздник: шутка ли, получить два килограмма чая сразу!

...И тут Великанов вспомнил, как пахан камеры, высокомерный, тощий, сравнительно молодой человек примерно его возраста, то есть лет тридцати, упоминал как-то имя Гном. Прошло уже немало времени, множество других имен, кликух, погромух, погонял было произнесено при Великанове, и немудрено, что поначалу они заслонили это простое и короткое прозвище – Гном. Гном был киллером, которого засылали на зону с единственной целью – убить кого-либо. Собственно, он давно уже не выходил на свободу, но по воле тех, кому подчинялся или на кого работал, он таинственным образом переправлялся на новую зону, к «нужному» человеку.

6

В половине первого Турецкий с Гордеевым сидели на антресолях ресторана «Пушкинь». С некоторых пор это было их любимое заведение, адекватного объяснения чему в принципе не имелось. Просто звезды так сошлись. Немало было в городе ресторанов, которые в разные времена почтили своим вниманием знаменитый следователь и известный адвокат, в некоторые из них они продолжали ходить и поныне. Но почему-то с давних пор, когда вставал вопрос, где назначить деловую встречу или дружеский обед (что, как правило, подразумевает не менее серьезные разговоры), никаких иных вариантов, кроме респектабельного заведения на Тверском бульваре, не рассматривалось. На первом этаже там располагалось кафе, на втором и на антресолях – ресторан, причем в ресторан можно было подняться на старинном лифте с кружевным лифтом.

Гордеев, едва заглянув в меню, стилизованное под газету с заголовком «Гастрономический вестник», заказал солянку и холодец. Турецкий кивнул официанту, который их обоих прекрасно знал, и кивок этот означал «мне то же самое».

Вяло ковыряясь в солянке, Турецкий смотрел на стену, на которой висела «сравнительная таблица скорости некоторых движений» – парохота, велосипеда, скаковой лошади, пушечного ядра и звука. Все это он видел много раз, и в голове у него были совсем другие мысли. Он размышлял над «сотовой» проблемой Гордеева и не был убежден, что тот ее не высосал из пальца. Некоторая мнительность Юрию Петровичу была свойственна, и это было одновременно его и слабой, и сильной стороной. Когда он тревожился понапрасну, это вызывало здоровое раздражение у друзей или у тех, кто в этот момент находился рядом. В противном же случае, когда его проницательность была на высоте, он, как правило, оказывался единственным, кто почувствовал опасность.

«Возможно, все это шутка, – думал Турецкий. – Может быть, просто не слишком добрая. Розыгрыш. Например, кто-то из коллег Гордеева по десятой юридической консультации, раздраженный его карьерой и успехом филиала в Химках, решил устроить ему такой вот маленький карнавал? Да, это вполне реально. Но с этим Гордеев должен разобраться сам, тут я ему не помощник. Другой вариант можно проработать...»

Еще Александр Борисович думал о всяких своих текущих делах, о том, что снова они с женой так и не определились в отношении отпуска... И еще шевелилось что-то неприятное, вызывающее смутное беспокойство, будто он упустил нечто важное, хотя и несрочное... Жена? Нет. Дочка? Нет. Генеральный? Тоже нет – он ведь его сегодня даже не видел. Меркулов? Пожалуй... пожалуй, Меркулов. Костя о чем-то хотел с ним поговорить, но отложил этот разговор, а значит, срочности большой тут не было. Но кто знает? Константин Дмитриевич вообще человек несуетный, и его внешние движения ничего выдать не могут – сколько раз Турецкий видел его в кризисных ситуациях и всегда завидовал меркуловскому хладнокровию.

Гордеев же между тем с аппетитом, достойным всяческого подражания, поглощал обед, и похоже было, что на заказанном он не остановится. Выговорившись в здании на Большой Дмитровке, он снял с себя некоторое нервное напряжение и наконец расслабился. Кроме того, в компании Турецкого он чувствовал себя как никогда комфортно, и, несмотря на то что для порядка побрызжал, почему-то предчувствовал, что дело, которое уготовили ему Грязнов с Турецким, будет небезынтересным.

Турецкий закурил уже бог знает какую по счету сигарету (черт бы побрал Славку, накал-таки насчет слабых сигарет) и заметил, что Гордеев, расправившись с обедом, что-то еще сказал официанту, возможно, относительно десерта.

– С удовольствием бы сейчас пропустил сто грамм, – вздохнул Александр Борисович. – Не корысти ради, а поднятия аппетита для.

– Так за чем же дело стало? – удивился Гордеев.

– Я, между прочим, на работе.

– Ты – на работе, я – за рулем, – кивнул адвокат. – Все при исполнении. Но мы же друг друга никому не сдадим, верно, Александр Борисович? А через полчаса все улетучится. А раньше мы отсюда и не выйдем. Так что я думаю... я думаю, мы заслужили.

– Ты считаешь? – заколебался Турецкий. – Полагаешь, значит, может государственный чиновник позволить себе маленькую человеческую слабость?

– Уверен, – сказал Гордеев и кивнул официанту, который только того и ждал и исчез, чтобы вернуться с двумя рюмками, которые для особых клиентов, пустые и чистые, стояли наготове в... морозильной камере, – так что «Русский стандарт», который в них был разлит, даже как-то сразу загустел. Вот, значит, о чем они перешептывались.

– За твоего клиента, – сказал Турецкий.

– Ну его к черту, – возразил Гордеев. – За мою сотовую компанию.

– Пошла она подальше, – не согласился Турецкий. – За мой отдых.

– Ты еще никуда не уезжаешь, – напомнил адвокат. – Лучше за мой бизнес.

– Он и так процветает, – отразил атаку Турецкий.

– Тогда за что? – спросил адвокат.

– Да, за что тогда? – задумчиво повторил помощник генерального прокурора.

– Нагревается, – напомнил Гордеев.

– Тогда – молча, – вздохнул Турецкий. – За наше здоровье. За наших близких. За юриспруденцию. За Фемиду, мать ее!

– Ничего себе «молча», – оценил Гордеев уже после того, как опрокинул рюмку.

Турецкий прислушался к своим ощущениям и нашел, что теперь, пожалуй, стоит немного поесть.

– Итак, – сказал он через несколько минут.

– Итак?

– Я могу попробовать кое-что выяснить со своей стороны относительно этого твоего «Телекома». Если ты действительно уверен, что над тобой целенаправленно издеваются.

– Уверен, – подтвердил Гордеев.

– И уверен в том, что тебе это надо.

– Саня, сколько можно!

– Ладно, это твое дело. Я кое-кого подключу. Через день-два, надеюсь, смогу тебе что-нибудь сказать.

– Вот это я понимаю, – обрадовался Гордеев.

– Ты только пока не выпендривайся и подключи телефон у какого-нибудь другого оператора, чтобы с тобой хоть связаться можно было, ежели что...

– Что – ежели что? – заинтересовался Гордеев.

– Просто на всякий случай. Что это за адвокат без телефона, сам посуди.

– Такой вот дурацкий адвокат, – подтвердил Гордеев.

– Нам дурацкий не нужен. Подключись.

– Ладно, считай, сделано.

– Значит, со своей стороны, – уточнил Турецкий, – я могу считать, что с этого дня ты занимаешься делом несправедливо посаженного доктора?

– Он еще и доктор, – вздохнул Гордеев. – Хорош доктор, нечего сказать... Ладно, можешь. Какие материалы есть по нему?

– Я скажу Грязнову, и он тебе все пришлет.

– Договорились. – Гордеев почесал затылок. – Да ладно, чего там, я сам Славке позвоню. И вот возьми, – он протянул Турецкому две дискеты в специальных пластиковых футлярах.

– Что это?

– Материалы по «Вест-Телекому», которые у меня есть. Ты обещал помочь, – напомнил адвокат.

– Я пока не в маразме, – проворчал Турецкий. – А на второй дискете что? Расследование убийства Кеннеди?

– То же, что и на первой. Продублировал на всякий случай.

– Педант несчастный, – вздохнул Турецкий.

Они попрощались, и Турецкий вернулся в Генпрокуратуру.

7

Гордеев сидел в машине и ломал зубочистки. Обломки он складывал в пепельницу и поджигал зажигалкой. Они вспыхивали и сгорали быстрее чем спички.

Ему нужно было принять решение: информировать своего шефа Розанова о том, что он хочет взять дело со стороны, или вести его полностью самостоятельно и автономно, никого ни во что не посвящая. Вообще-то, поскольку человек, за которого просили Турецкий и Грязнов, сидит в тюрьме, это значит, что было соответствующее решение суда, из которого следует, что для общества он преступник. Конечно, девяносто девять процентов тех, кто сидит на зонах, и сто процентов тех, кто находится в следственных изоляторах, твердят о своей невинности, но это, конечно, для общества ничего не значит, да и не доходят их вопли до общества, слава богу. Иначе жить было бы просто неважко. Иначе общество просто сошло бы с ума.

Но в любом случае попытки пересмотра дела человека, уже осужденного за двойное убийство (неудачные попытки, конечно!), могут скверно отразиться на репутации адвокатской конторы. И Генрих Афанасьевич Розанов, вполне вероятно, не будет в восторге от того, что Гордеев занят подобным делом и работает с клиентом, который, еще неизвестно, в состоянии ли за себя заплатить, все-таки у нас врачи не самая высокооплачиваемая специальность. В общем, по здравому размышлению Гордеев извещать шефа о своем решении не стал, а с тяжелым вздохом набрал номер мобильного телефона, который был известен немногим избранным.

– Да? – сказал хорошо знакомый голос.

– Вячеслав Иванович, это Гордеев, – сухо представился адвокат. – Присылай мне материалы по моему доктору.

– А что случилось-то? – веселым и отнюдь не удивленным голосом поинтересовался Грязнов.

– В каком смысле?

– Ну как же, такая добрая воля... и такой непреклонный юрист. Как-то плохо сочетается.

– Погода изменилась, – проскрипел Гордеев. – Гора пошла к Магомету.

– Да? А я что-то не заметил.

– Ну так когда прилетишь? – нетерпеливо сказал Гордеев.

– Вообще-то материалы уже у тебя в ящике лежат. Полчаса назад выслал.

– Мы ведь с тобой даже не говорили об этом! Как это? – удивился Гордеев. – Мысли читаешь?

– Вроде того. Мне Турецкий только что звонил, хвастался, что обедал со знаменитым адвокатом... Кстати, ты сейчас где?

– В Москве пока что...

– Юра, у меня мысль.

– Ни секунды не сомневаюсь.

– Тогда две, – засмеялся Грязнов. – Давай вечером пересечемся, и я тебе кое-что про этого парня расскажу. Занимательное и не очень.

– А надо ли? – поинтересовался Гордеев. – Учитывая, что мне завтра нужно быть в форме, новое дело, первый день, а?

– Но, кроме меня, этого никто не знает, – привел Грязнов неотразимый аргумент. – Может, и он сам не все знает.

– Он сам – это кто? Доктор твой?

– Ну да.

– Ладно, уговорил. – Гордеев немного подумал. – Сейчас мне надо в главный офис, а вечером после девяти заезжай ко мне домой. Как тебе такой вариант?

– Ты по-прежнему на Новой Башиловке?

– Куда я денусь с подводной лодки? Да, – спохватился Гордеев. – А что он за доктор?

– Не пластический хирург. И даже не зубной, – немного виновато сказал Грязнов. – Просто врач «Скорой помощи». Правда, очень хороший. Потомственный врач... Так что насчет гонорара... сам понимаешь... Разве что клизмами.

– Да уж понимаю, – проскрипел Гордеев. – Не в первый раз чистым творчеством заниматься.

8

В два часа дня Турецкий спохватился, что так и не узнал, о чем с ним хотел поговорить Меркулов. Он позвонил ему по прямому телефону, но на звонок никто не ответил. Турецкий позвонил в приемную, и секретарша Виктория прорыдала в трубку:

– Александр Борисович! Александр Борисович! Константина Дмитриевича только что увезли!

– Вика, не ори! – в свою очередь закричал Турецкий. – Кто увез? Куда? Почему?

– «Скорая»! Я ничего не знаю! Он потерял сознание от приступа боли! Я вызвала «скорую»!

– И что, с ним туда никто не поехал?

– Я так растерялась, а он пришел в себя – сказал: позвони Турецкому.

– Куда его повезли?

– Я точно не поняла. Сказали: звоните – и оставили телефон.

Турецкий тут же вспомнил, что Меркулов жаловался на живот, но кто на него не жалуется. Ну вот вам и утреннее дурное предчувствие! Он выскочил из кабинета и понесся к генеральному. Того на месте тоже не оказалось.

– Уже уехал, – сказала секретарша. – Как-то вы сегодня не вписываетесь, Александр Борисович.

– Куда? Куда он уехал?!

Секретарша смерила Турецкого взглядом, как бы оценивая, можно ли доверить ему столь важный государственный секрет, и смиротворилась:

– Домой.

– Какого черта? – разозлился Турецкий.

– Что? – изумилась секретарша. – Это вас не касается, по-моему, Александр Борисович. – Подумала и сменила гнев на милость: – Но вообще-то у него сегодня вечером передача на телевидении. Надо отдохнуть. Он ведь не кто-нибудь, а генеральный прокурор, правильно?

– Он хоть знает, что с Меркуловым, наш генеральный прокурор?

– Конечно.

– Конечно?!

– Он все знает, – железным голосом произнесла секретарша. – У него такая должность – все знать. Он еще вчера знал.

– Как – вчера? – опешил Турецкий.

– Вот так. Просто не хотел расстраивать Константина Дмитриевича.

– Что вы говорите?! Он вчера знал, что Меркулова сегодня увезут на «скорой»?!

– Какая «скорая»? – отмахнулась секретарша. – Я говорю об отставке. Приказ об отставке был подписан вчера. При чем тут «скорая»?

– Какой отставке? – похолодел Турецкий. – Чьей отставке?! Меркулова?!

– Ну да...

– Не может быть!

Секретарша посмотрела на Турецкого снисходительно. Конечно, уж она-то знала, что говорила. Ошибки быть не могло. Турецкий вытер вспотевший лоб.

Ну и ну! Если уж без кого и нельзя было представить себе это заведение, так это без К. Д. Меркулова, заместителя генерального прокурора по следствию, единственного и неповторимого, черт возьми! Скольких шефов он повидал на своем веку... И вот, значит, свершилось. И что же? На следующий день его увозят в больницу!

– Так я не понял, Меркулову об этом уже сказали или нет? – хмуро спросил Турецкий. – Константин Дмитриевич в курсе, что он в отставке?

– Это вне моей компетенции, – был дан хладнокровный ответ.

Турецкий понял, что с этой клушей дальше разговаривать бесполезно, и побежал к секретарше Меркулова. Та все еще размазывала сопли, но уже звонила в больницу, которая конечно же оказалась ЦКБ. Никаких, впрочем, новых сведений добиться не удалось. Секретарша положила трубку и горестно развела руками.

– А он ничего такого сегодня не говорил? – осторожно спросил Турецкий.

– О чем?

– Ну там о работе... О каких-нибудь изменениях, которые должны у нас здесь произойти... Секретарша Виктория отрицательно покачала головой.

– Да! – спохватился Турецкий. – Жена, дочь знают? Ты им звонила?

– Никто еще не знает...

– Тогда займись этим, а с больницей я сам разберусь. Только не пугай их, скажи...

– Может, аппендицит? – предположила Виктория. И снова разрыдалась. Помощи от нее, конечно, было никакой.

– Ты какая-то сегодня, ну совсем не Виктория, – с досадой пробормотал Турецкий.

У Меркулова было больное сердце, и друзья, не говоря уж о семье, это, конечно, знали. Нет, так беспардонно врать все же не стоило.

– Вот что, вообще пока никому не звони. Со мной пошли.

– З-зачем?

Турецкий молча взял секретаршу за руку и потащил за собой. В своем кабинете он запер дверь, открыл сейф, достал оттуда початую бутылку коньяка «Ахтамар» (э-эх, с Костей же вместе ее начинали!), налил полстакана и силой влил в секретаршу. Потом отобрал у нее мобильный телефон, отключил рабочий в кабинете, запер дверь снаружи и временно переселился к Меркулову – сейчас этому маневру воспротивиться никто не мог. Десять минут он дозванивался в ЦКБ, одним ухом прислушиваясь к радио:

«Риск сердечного приступа может быть предсказан, и факторы, приводящие к его возникновению, одинаковы среди жителей и бедных, и богатых стран. Об этом говорится в докладе, представленном в воскресенье на встрече Европейского общества кардиологов. Результаты исследования более двадцати девяти тысяч человек в пятидесяти двух странах показали, что две трети сердечных приступов происходит из-за двух факторов – аномального соотношения холестерина и курения...»

«Надо же, как в тему», – подумал Турецкий.

«...Другими факторами, повышающими риск возникновения приступов, являются высокое давление, диабет, ожирение, стресс, отсутствие физической нагрузки. „Это убедительно доказывает, что в девяноста процентах случаев риск возникновения сердечного заболевания предсказуем“, – заявил на пресс-конференции профессор медицины Университета в Онтарио...»

Турецкий не дослушал. Ожирение, диабет, высокое давление к Меркулову никак не подходили, да и отсутствие физической нагрузки, в общем, тоже. Питался он исключительно правильно, а не курил уже очень давно – и за тем, и за другим было кому проследить. Но вот что касается стресса – это как посмотреть. С одной стороны, это было нормальное его профессиональное состояние, работа такая, никуда от нее не денешься, а с другой – второго такого уравновешенного и спокойного человека в Генпрокуратуре еще надо было поискать. Турецкий наконец дозвонился и выключил радио.

Он представился и вскоре уже разговаривал с врачом, который осматривал Константина Дмитриевича. Конечно, сперва ему пришлось пробиться сквозь заградительный кордон в виде дежурной сестры, которая максимум на что соглашалась – позвать почему-то анестезиолога.

– Вы знаете, кто к вам поступил? – сказал Турецкий. – Это необычный пациент.

– У нас все пациенты незаурядные. У нас такая больница. – В голосе доктора прозвучало некоторое высокомерие, и Турецкий сбавил обороты:

– Я понимаю, понимаю! Скажите, ради бога, что с ним? Чем мы можем помочь?

– Помочь ему можем мы. У вашего Меркулова острый приступ аппендицита.

– Как вы сказали?

– Аппендицита...

Турецкий не выдержал напряжения и расхохотался.

– Вы что? – осторожно спросили на другом конце провода. – С вами все в порядке?

– Извините, – через силу пробормотал Александр Борисович. – Просто мы тут понапридумывали себе бог знает чего.

– Бывает, – коротко сказал врач. – Меня уже зовут в операционную. Сейчас буду резать вашего Меркулова. У вас все?

– Как это – все? – заволновался Турецкий. – Как это – все?! Ничего не все! Я сейчас к вам приеду! Рассказывайте, как вас найти? Как вас зовут?

– Иванов, – был дан исчерпывающий ответ. – И приезжать сейчас не надо, дайте спокойно работать.

9

Гордеев изучал материалы по делу Великанова, которые прислал Грязнов.

Поздно вечером в сауне врач станции «Скорой помощи» двадцатидевятилетний Сергей Великанов оказался свидетелем избиения озверевшими молодчиками девушек – Анастасии Коньковой и Марии Ковальчук. Трое парней избивали двух несовершеннолетних девчонок. Эти девушки отказывались исполнять желания молодых мерзавцев, которые принуждали их к групповому сексу. Великанов вступился за них – и был жестоко избит. Тогда он воспользовался пистолетом «макарыч», стреляющим резиновыми пулями. Защищаясь, Сергей Великанов выстрелил в одного из нападавших, двадцатилетнего Олега Терехина, но не попал. Тот в ярости выхватил собственное оружие, по иронии судьбы – пистолет Макарова. Великанов ему воспользоваться пистолетом не дал, завязалась драка один на один, в ходе которой пистолет выстрелил – и его владелец был убит. Два его приятеля снова набросились на Великанова, и тогда Сергей выстрелил еще дважды. Еще один преступник, двадцатидвухлетний Антон Севидов, остался лежать на земле. Скончался он уже в больнице. Третий, восемнадцатилетний Николай Румянцев, убежал. Таким образом, защищая других и себя, врач Сергей Великанов убил двух человек. Он был взят под стражу. И впоследствии был осужден за убийство – Московский областной суд приговорил его к десяти годам лишения свободы. Защищал Великанова вполне квалифицированный адвокат, но защита успеха не имела.

Это была выжимка из материалов, которую Гордеев, опытный юрист, составил для себя. Точнее, это была версия событий со слов Сергея Великанова. Но существовала и другая версия, на которую опиралось обвинение и которую в конце концов принял суд. А именно: пистолет Макарова принес с собой Великанов, а вот «макарыч» как раз принадлежал Терехину. Это подтвердил сбежавший с места драки и преступления Румянцев и, как ни странно, обе девочки. Это было хуже всего: это не оставило Великанову никаких шансов, тем более что вины своей он не признал и в суде держался абсолютно непримиримо. Разумеется, родственники погибших были взбешены... А впрочем, при чем тут родственники? Скорее всего, для судей все было очевидно с самого начала.

Гордеев сразу понял: очень плохо (как бы это дико ни звучало), что Великанов не попал в Терехина, когда стрелял из своего «макарыча», если принять на веру его слова и все было именно так. Попади он, во-первых, неизвестно, как стали бы дальше разворачиваться события, а во-вторых, на теле Терехина была бы отметина – сильная гематома. А так в самом деле доказать что-либо затруднительно. Терехин мертв – и это факт, с которым не поспоришь. Севидов – тоже.

В почте, которую прислал Грязнов, была еще приписка лично от него: «Юра, будь другом, срочно отошли этот файл Турецкому, я никак не могу до него достучаться, а это важно! Только не упоминай, что от меня».

Гордеев пожал плечами и, конечно, сразу же отослал файл, даже в него не заглядывая. Потом позвонил Турецкому и предупредил:

– Саша, посмотри, пожалуйста, почтовый ящик, там у тебя почта...

– Спасибо, – обрадовался Турецкий. – У нас тут такие дела творятся... я тебе потом перезвоню, ладно?

Он в это время заканчивал реанимацию секретарши Меркулова. Она наконец отошла от своего испуга и расслабилась, пожалуй, даже больше, чем требовалось, – теперь ее нужно было отпаивать кофе.

10

Турецкий был бы рад сейчас переключиться на что угодно. Тем более что велика вероятность того, что скоро это придется делать по-любому. В глазах нынешнего генерального и тех, кто стоял за ним, он был, конечно, человеком Меркулова, и уж если Меркулова сняли (или снимут), то и ему ждать долго не придется.

Открывая свой почтовый ящик, Турецкий задумался: является ли он, помощник генерального прокурора Александр Борисович Турецкий, на самом деле человеком Меркулова? В том смысле, который в подобные слова вкладывают профессиональные интриганы и сплетники, любящие порассуждать о том, кто с кем пришел и кто вслед за кем уйдет. Несмотря на то как называлась его должность, непосредственным шефом Турецкого был именно Меркулов. Учитывая, сколько лет они работали вместе, сколько раз прикрывали друг друга (прикрывал-то в основном Костя, чего уж греха таить), то, конечно, да – со стороны Турецкий именно человек Меркулова. Но была ли когда-нибудь у Константина Дмитриевича Меркулова вообще своя команда? Скорее нет. Разумеется, ничто человеческое ему не чуждо, и он всегда с гораздо большим удовольствием работал с людьми талантливыми и честными, но никогда никого не подсиживал и не протаскивал. А вот у нынешнего генерального была несколько иная репутация и другой послужной список. Довольно молодой человек – ему еще не было сорока, – он был плоть от плоти кабинетный работник, очень чутко державший нос по ветру и сделавший стремительную карьеру. Как сказали бы в частной компании, топ-менеджер, которого то и дело бросали затыкать кадровые дыры... Правда, доктор юридических наук. Ну так и что же? Мало ли кто теперь не доктор?

Интересно, какая же все-таки будет формулировка – насчет меркуловской-то отставки? «По состоянию здоровья»? «В связи с переходом на другую работу»? Турецкий даже скрипнул зубами от злости.

Ну ладно, что там Гордеев прислал?

Он наконец заглянул в письмо и прочитал: «Самое главное – было бы желание, а способы всегда найдутся!»

– Хм, – сказал Турецкий, – о чем это он?

«1. Много-много есть, перебивая желание курить...»

– Ах вот оно что, – пробормотал Александр Борисович, машинально нащупывая на столе пачку «Мальборо». – И этот, значит, туда же? Все, черт побери, пекутся о моем здоровье!

«2. Активно заняться спортом».

– Ну вот еще, – сказал Турецкий.

«3. Если вы не можете бросить курить, так как все ваши знакомые курят, попробуйте договориться с ними бросить курить всем вместе...»

– Легко сказать...

«4. Внушить себе, что сигареты – это настолько отвратительно, что один только их вид вызывает у вас рвотный рефлекс.

5. Забить в сигарету сушеные ногти и выкурить.

6. Помочить сигарету в молоке, высушить, выкурить...

7. Попробовать не курить всего лишь неделю, а затем выкурить три-четыре сигареты подряд.

8. Уехать жить в Бруней.

9. Устроиться на работу на бензоколонку.

10. Покончить жизнь самоубийством».

– Не дождетесь, – сказал помощник генерального прокурора и протянул было руку к телефонной трубке, чтобы позвонить Гордееву, но не успел – телефон зазвонил сам. – Да? –

слегка нервно сказал Турецкий. Во-первых, это был не его телефон, а Меркулова, а во-вторых, о Меркулове он и ждал новостей.

– Александр Борисович? – несколько удивленно сказала трубка голосом генерального. – А что вы здесь делаете?

– Работаю, – буркнул Турецкий, лихорадочно соображая, как быть – изображать полное неведение по поводу отставки Меркулова или... Нет, к черту, так можно нагромоздить целую гору ненужной лжи.

– А где же Константин Дмитриевич?

– В больнице.

– Вот как? И что он там делает? – иронично поинтересовался генеральный. – Зубы лечит?

Анализы сдает?

– Он уже ничего не делает. – Турецкий с удовольствием подержал паузу.

– В каком смысле? – удивился генеральный.

– В буквальном. Это ему делают.

– И что же?

– Живот режут. – И, не давая опомниться, продолжил: – А позвольте и мне теперь задать вопрос.

– Нет, Александр Борисович, подождите, это хорошо, что вы сняли трубку. Приезжайте сегодня к семи часам в Останкино, я буду давать пресс-конференцию, надо, чтобы вы тоже присутствовали.

– А по какому поводу? – спросил Турецкий.

Генеральный умело притворился глухим:

– Я хотел попросить об этом Меркулова, но на нет и суда нет.

И в трубке раздались гудки.

«Вот жук, – подумал Турецкий, – так ведь и не сказал ничего». И еще эта фраза насчет суда. Обычно никто в ее смысл не вдумывается. Но только не работники генеральной прокуратуры с многолетним стажем.

11

Прежде чем ехать в исправительное учреждение, где отбывал срок Сергей Великанов, то есть, попросту говоря, на зону, Гордеев должен был изучить его дело в архиве Мособлсуда и составить примерный вариант жалобы. Но подавать ее по инстанции и тем более соваться на прием к членам областного суда, не познакомившись с самим Великановым, было бессмысленно. Поэтому пока что это был лишь черновик, тем более что досконально изучить много-томное дело за один день не представлялось возможным. Но опыт, тот самый, который сын ошибок трудных, был – Гордеев не зря работал в свое время следователем. У него был наметанный глаз, и он знал, что надо читать по диагонали. Главное было найти ключевые моменты – свидетельские показания, которые стали определяющими при решении суда.

Великанова защищал адвокат Рудольф Сладкий. Гордеев знал этого юриста. Это был ровесник и старый приятель его шефа Розанова. У него была репутация не то чтобы человека трусливого, но уж чрезмерно осторожного – это точно. Так что Юрий Петрович не был удивлен, когда прочитал в стенограмме заседания суда, что Сладкий говорил лишь о смягчающих вину обстоятельствах. Было очевидно, что общего языка со своим подзащитным адвокат не нашел: Великанов виновным себя не признал. Судебная коллегия по уголовным делам Московского областного суда рассмотрела дело молниеносно. Процесс длился пять дней. Великанов был приговорен к десяти годам лишения свободы, и Верховный суд оставил приговор без изменений.

Стенограмма заседаний суда только утвердила Гордеева в первоначальном мнении. Все свидетельствовали против доктора Великанова, и оставшийся в живых Николай Румянцев, и обе девчонки, что было хуже всего. Никаких неожиданностей не произошло, новые факты и улики не всплыли, и процесс был хоть и громким, но скоротечным. Громким он оказался по двум причинам. Первая – общие обстоятельства дела и то, что Великанов был доктором, которого в Химках хорошо знали. Вторая – один из убитых им парней оказался сыном мэра города Терехина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.